

Глава 5

РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ИДЕЙНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ПАРТИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

1. Формирование и эволюция позиции ВНС по вопросу о взаимоотношениях с правительством

Для либерально-консервативных (центристских и умеренно-правых) кругов, исходивших в своей деятельности из того, что модернизация России может быть осуществлена только с помощью «властей предержащих», формулирование принципов отношения к правительству являлось фактором, в значительной степени определявшим прочие идеино-тактические установки. Несмотря на видимую трудность разделения позиции русских националистов по вопросу о взаимоотношениях с Советом министров на «идеологическую» и «тактическую» составляющие, такое разграничение все же представляется не только необходимым, но и возможным.

Согласно убеждению идеологов ВНС, остававшемуся неизменным на протяжении всего изучаемого периода, главными политическими достоинствами российского Совета министров должны были являться следующие, тесно взаимосвязанные и вытекающие одно из другого качества.

Во-первых, компетентность: «Если поступки власти достигают цели, считаю власть сильной. Если цели эти умны, я считаю власть умной. Если в итоге устанавливается "на земле мир и в людях благоволение", я первый присоединяюсь к мнению херувимов и говорю: "Слава Богу!"...» [248, с. 518] (М.О.Меньшиков).

Во-вторых, идеино-организационная консолидированность: «Нужно, чтобы не только все министры без исключения, но и все директора департаментов, все генерал-губернаторы, директоры... и т.п. принадлежа-

ли к одной партии»; «Различие мнений естественно в парламенте, но оно является верхом нелепости в приведенном кругу» [248, с. 519] (М.О.Меньшиков).

В-третьих, приверженность правовым (европейским) принципам управления: «Мы безусловно не сторонники репрессии для репрессии» [266, с. 173] (В.А.Бобринский); «Националисты вполне сознавали, насколько обоюдоострым оружием представляются меры, связанные с сохранением исключительных положений» [266, с. 173] (Л.В.Половцов).

В-четвертых, «национализм»: «Среди национальных сил одно из первых мест занимает правительство (если оно национально в своей деятельности...)»; «Нельзя не выразить пожелания скорейшей и необходимой национализации всего правительственного аппарата и политики» [219, с. 153] (М.Я.Балынский); «Чем более государственный порядок опирается на национальное чувство, тем оно крепче» [219, с. 162] (В.М.Грибовский). Всякое истинное правительство, неоднократно подчеркивал М.О.Меньшиков, «может быть сотрудником только нации, только национальной партии, только национального парламента» [248, с. 145; 249, с. 136—139].

В-пятых, полновластие. В частности, ВНС выступал за максимальное сосредоточение распорядительной власти в руках главы правительства. Фактически (хотя и в завуалированной форме) речь шла о сокращении управленических прерогатив Верховной власти как на местном уровне, так и на уровне Совета министров. В частности, провозглашалось полное подчинение губернаторов главе правительства (формально губернатор считался непосредственным представителем императора), а также абсолютная послушность назначаемых царем членов кабинета премьер-министру [293, с. 21—22] (Н.Н.Чихачев), [248, с. 519] (М.О.Меньшиков).

В-шестых, «героизм» (авторитарная харизматичность). В отличие от крайне правых, русские националисты связывали осуществление своих надежд в первую очередь с личностью премьер-министра, а не

императора. Требование от политического вождя нации — главы правительства — «героизма», т.е. политического «чудотворения» вытекало, по мысли М.О.Меньшикова, из двух обстоятельств. Во-первых, *из необходимости подавить сопротивление всех тех, кто не сочувствует проводимому национал-либеральному курсу*. «В интересах великой, исторической борьбы с бунтом нельзя терпеть в составе правительства людей слишком слабых, инертных, равнодушных, погруженных в канцелярскую алхимию»; «Подавляющее большинство общества обращалось к Наполеону и Бисмарку с нескрываемым, даже с восторженным сочувствием, хотя именно помянутые государственные люди держали себя независимо, не поддаваясь к общественному мнению и не заискивая у него»; «Я... думаю, что авторитет зависит от способностей и заслуг власти, а не от оценок общества, иногда крайне ложной». «Будьте сильными — и вас непременно будут уважать»; «Представителям власти, мне кажется, не пристало много спорить с заведомо враждебными ей партиями»; «Никто из здравомыслящих русских людей не откажет власти, стоящей на страже нации, в праве отвечать на войну — войной». Во-вторых, *из принципиальной невозможности установить в таком огромном государстве, как Россия, порядок, основанный на одном только праве*: «Триста лет назад у нас было в сущности так же скверно, как теперь. Правительство было бесспорно плохо, — может быть, потому что создать хорошее правительство для племени, расползшегося на целый материк, размазанного по степям, болотам, лесам, не под силу самой природе», пока «на бедной и темной почве [не] поднялась... величавая фигура — Петр»; «Сейчас мы переживаем как будто снова XVII век. Всем тяжело. И разоренному, одичавшему народу, и выродившейся власти, — тяжело жизни, ищащей выхода. Из столкновения утопий разовьется, может быть, опять нечто простое и неожиданное. Явятся крупные люди, и кто знает? — М.б. мы накануне великого человека и великой эпохи» [248, с. 200—201, 225, 347, 350, 369, 520,

526—528] (М.О.Меньшиков). Тезис об обязательной «героичности» российского правительства, как не трудно заметить, противоречил тем заявлениям, в которых декларировался вынужденно временный характер осуществляемых им репрессивных мер.

Совместная работа с правительством являлась генеральной тактической линией ВНС и рассматривалась им прежде всего в контексте участия русских националистов в работе Государственной думы. Позиция ВНС по вопросу о принципах взаимодействии с правительством претерпела на протяжении изучаемого периода заметную эволюцию, в связи с чем рассмотрение данной проблемы представляется целесообразным разделить на следующие три этапа.

1) НОЯБРЬ 1907 г. — СЕНТЯБРЬ 1911 г. — с момента начала работы III Государственной думы — до гибели П.А.Столыпина, сопровождавшейся крушением его политического курса, основанного на стремлении правительства к тесному взаимодействию с Государственной думой, в целом, и РНФ, в частности.

2) СЕНТЯБРЬ 1911 г. — ИЮЛЬ 1915 г. — с момента прихода к власти В.Н.Коковцова, отказавшегося от политической линии его предшественника, направленной на союз с правоцентристским думским большинством, — до созыва IV внеочередной сессии IV Государственной думы, ознаменованной образованием оппозиционного Прогрессивного блока.

3) ИЮЛЬ 1915 г. — ФЕВРАЛЬ 1917 г. — с момента перехода думского большинства в оппозицию к правительству — до Февральской революции.

Теоретические основы отношения ВНС к российскому правительству были сформулированы в наиболее ранних публицистических работах будущих идеологов русского национализма, а также в главных партийных документах ВНС.

Исходным являлся тезис о безусловной лояльности политических партий и Государственной думы в целом по отношению к правительству. Данный постулат был сформулирован непосредственно по «горячим следам» событий 1905—1907 гг.: «Следовало бы в Ос-

новные законы наши, — писал М.О.Меньшиков в 1907 г., — ввести определение парламента не как борющейся стороны, а как помогающей» [248, с. 492]; необходимо «ставить первым условием полное успокоение родины, поэтому приложить все силы к укреплению законного авторитета сильной государственной власти и решительному подавлению всех проявлений анархии» [186].

Стремясь таким образом провести четкую демаркационную линию между своей тактикой в отношениях с правительством и тактикой радикальных либералов (официально именовавших себя «думской оппозицией»), русские националисты в то же время не желали полностью отказываться, подобно крайне правым, от принципа самостоятельности во взаимоотношениях с правительством, неизменно подчеркивая пользу института парламентского контроля за деятельностью министров (в качестве аргумента для обоснования своей точки зрения русскими националистами использовался пример «образовых» стран Запада). «Плохой парламент на Западе бодрствует над посредственной властью и заставляет ее быть хорошей. Мне кажется, если бы Россия была в состоянии выслать 500 честных и сведущих людей, способных видеть ошибки правительства и вовремя их указывать, такому парламенту можно было бы позволить ничего не делать. "Ничегонеделанье" таких людей было бы продуктивнее самого дорогого труда» [248, с. 318—319] (М.О.Меньшиков); «Дума напоминает публику в зрительном зале оперного театра. Хотя публика и не умеет петь, но в общем она верно оценивает артистов. Одних она награждает аплодисментами, других встречает гробовым молчанием, третьим она свистит»; «Пусть Дума плохо работает, но она заставляет правительство подтягиваться и работать, не покладая рук, и уже в этом ее большая заслуга» [292, с. 21] (В.В.Шульгин).

Сугубо лояльный парламентский контроль, о котором вели речь идеологи ВНС, должен был отличаться от оппозиционности думских радикалов тем, что

предусматривал критику правительства лишь по частным вопросам [248, с. 318—319, 492—493] (М.О.Меньшиков). По сути речь шла о критике действий правительства лишь с точки зрения их законности, а не целесообразности, что было зафиксировано в программных документах ВНС, провозглашавших «наблюдение законодательных учреждений за закономерностью действий правительства» [186; 189].

Контроль за деятельностью правительства, по мысли русских националистов, должен был носить исключительно позитивный (т.е. не направленный на достижение кадровых перемен в составе правительства) характер и осуществляться посредством направления главам министерств и ведомств запросов и вопросов по тем или иным текущим политическим сюжетам. Право запроса министрам в этой связи расценивалось русскими националистами как «одно из самых важных преимуществ представительного строя». «Это право гарантирует закономерность правительственной деятельности, ибо на всех органах власти тяготеет обязанность, в случае подозрения в незаконности их действий, дать публичный отчет в своих поступках перед народными представителями» [266, с. 166] (Л.В.Половцов), что, по мнению русских националистов, компенсировало отсутствие в России института ответственного перед парламентом правительства.

Воздавая должное праву депутатского запроса, русские националисты в то же время осуждали политику перманентных множественных интерpellаций, практиковавшуюся оппозицией в целях дискредитации правительства. Право запроса, — отмечал, в частности, Л.В.Половцов, — «не должно быть трещоткой ночного сторожа, пугающего мелких воришек, и не страшной для крупных хищников; запросы должны звучать, как удары набатного колокола, должны тревожить общественную совесть, должны пробивать броню бюрократического равнодушия» [266, с. 168]; «Дума должна принимать запросы, — развивал ту же мысль П.Н.Крупенский, — касающиеся лишь самых серьезных сторон жизни, и не размениваться на обсу-

ждение мелочных беззаконий, которые творятся везде, где только живут люди» [266, с. 168].

Другим средством оптимизации деятельности правительенного аппарата должно было, согласно мнению ВНС, явиться снятие с должностных лиц «административной гарантии», не позволяющей подвергать их уголовному и административному преследованию в общем порядке. Коренным способом «исцеления вековых недугов русской жизни... националисты считают одну радикальную реформу — путем введения совершенно нового начала, а именно в виде установления судебной ответственности, уголовной и гражданской, чинов администрации не по соизволению начальства, а по жалобам каждого потерпевшего от незаконных действий частного лица. Это мероприятие только и может дать окончательную гарантию нарождающемуся правовому строю государства» [266, с. 174—175] (Л.В.Половцов).

Несмотря на становившуюся все более лояльным на протяжении периода столыпинского премьерства отношения русских националистов к деятельности Совета министров и его главы кабинета в особенности, некоторые стороны деятельности отдельных министров (в том числе близких партии русских националистов) подвергались со стороны лидеров РНФ критике. В числе «традиционно беззаконных» и «антинациональных» ведомств, наряду с интендантством, морским министерством, кавказским наместничеством, русские националисты называли порой и министерство путей сообщения, возглавляемое С.В.Рухловым, являвшимся, вплоть до своего назначения на министерскую должность в 1909 г., председателем ВНС: «Вообще в Министерстве Путей Сообщения по части строительства не совсем ладно. Министр-националист и даже бывший Председатель Национального Союза, — по-видимому, не может освободиться от нежелательного элемента из оставшегося ему в наследство персонала по сооружению дорог. В лице начальника управления, например, стоит господин весьма сомнительного происхождения с несо-

мненным национализмом черты оседлости» [266, с. 174—175].

Обобщая сказанное, следует отметить, что в основе отношения ВНС к российскому правительству в тот период, когда во главе его стоял П.А.Столыпин, лежали следующие принципиальные установки.

Во-первых, признание правительства «старшим политическим партнером» по отношению к Государственной думе в целом и партии русских националистов как ее неотъемлемой части.

Во-вторых, признание русскими националистами за собой права критиковать отдельные инициативы и решения отдельных министерств и ведомств, а равным образом признание недопустимости игнорирования правительством мнения «младших партнеров», к которым русские националисты относили, помимо себя, своих союзников — октябристов: «Созвездие — Столыпин, Гучков, Балащев — было поясом Ориона. Все, что предлагалось Столыпиным, если (курсив мой. — Д.К.) с ним были согласны Гучков и Балащев (курсив мой. — Д.К.), имело большинство и проходило через Думу», — так, в образной форме, спустя годы охарактеризует суть отношений ВНС с правительством П.А.Столыпина В.В.Шульгин [359, с. 123].

В-третьих, признание принципиального отличия оппозиционных нападок на правительство, характерных для радикальных либералов (кадетов и прогрессистов), — от, по известному определению А.И.Гучкова, «щепетильно лояльной» критики, присущей партиям либерально-консервативного (умеренно-правоцентристского) толка, к числу которых относил себя и ВНС.

Примечательно, однако, что даже в этот наиболее идиллический период во взаимоотношениях ВНС и Совета министров, представления различных лидеров ВНС по вопросу об оптимальных пропорциях соотношения влияния, с одной стороны, правительства, и, с другой стороны, парламента (политических партий) на жизнь страны оказывались не вполне одинаковыми. Характерны в этой связи нюансы аргументации, предложенной в ходе разразившегося весной 1911 г.

2 министерского и «парламентского» кризисов, двумя идеяными вождями ВНС, пытавшимися каждый по-своему обосновать право Верховной власти и Совета министров использовать ст. 87 Основных законов в целях чрезвычайно указанного законодательства. По мнению Л.В.Половцова, право определения обстоятельств как чрезвычайных всецело принадлежало Верховной власти: «С нашей точки зрения, вопрос о чрезвычайных обстоятельствах есть вопрос не права, а вопрос факта, усмотрения»; «Единственным судьей наличности чрезвычайных обстоятельств, по моему мнению, может быть только... Совет Министров под ближайшим и непосредственным надзором Верховной Власти» [266, с. 124]. В свою очередь, В.А.Бобринский полагал, что Государственная дума при определении закономерности действий правительства должна руководствоваться собственным понятием о чрезвычайности, будучи ограниченной лишь в праве рассматривать этот вопрос немедленно после издания чрезвычайного указа. «Сомнения и опасения наши заключаются в том, что при неправильном и неосторожном применении ст. 87... может быть в корне подорван дарованный нам Монархом представительный строй», «и если мы ныне отстаиваем правильность применения этой ст. 87, то это оттого, что мы глубоко убеждены в наличии тех чрезвычайных обстоятельств, которые требуются», хотя в то же время «мы отлично сознаем, что мы не имеем формального права решать в настоящей стадии обсуждения вопроса о чрезвычайных обстоятельствах; это право предоставлено нам через два месяца после издания закона» [266, с. 129–130]. Следует добавить, что едва заметные постороннему глазу в 1911 г. расхождения во взгляде на соотношение прерогатив правительства и Государственной думы между двумя лидерами РНФ в дальнейшем развели их по различным углам политической сцены: В.А.Бобринский явился одним из инициаторов раскола единой ФНУП и стал председателем ФПН, вошедшей в Прогрессивный блок, а Л.В.Половцов, в свою очередь, остался одним из руководителей «балашев-

ской» части фракции. Как можно заключить, еще на первом этапе партийного становления ВНС в его недрах в латентной форме существовали предпосылки организационно-идейного раскола.

После гибели главного политического союзника и покровителя ВНС П.А.Столыпина на должность председателя Совета министров был назначен В.Н.Коковцов, который, как хорошо известно из историографической и мемуарной литературы, с самого начала не предполагал вступать в тесный политический альянс с думскими партиями. И хотя новый премьер-министр не только не отрекался от заложенных его предшественником общих либерально-националистических основ правительственного курса и отчасти пытался следовать им в своей практической деятельности, с первых же дней премьерства В.Н.Коковцова стало ясно, что прежнего уровня доверительности в отношениях между премьер-министром и партиями думского центра (в том числе РНФ) не сформируется. Кроме того, довольно быстро выяснилось, что приверженность В.Н.Коковцова «столыпинским традициям» носит во многом декларативный характер и что новый глава кабинета не в состоянии решить многие из тех задач, которые казались представителям умеренных кругов русской общественности совершенно неотложными. В силу этого позиция русских националистов по вопросу о принципах взаимоотношения с правительством стала эволюционировать в «критическом» направлении.

Примечательно, что еще в период III Государственной думы в сознании русских националистов стала укрепляться мысль о возможности оппозиции по отношению к правительству. Правда, в этот отрезок времени она формулировалась завуалированно: не в качестве реальной угрозы перехода русских националистов в стан думских оппозиционеров, а в качестве призыва к правительству считаться с мнением РНФ и тактически с ней сотрудничать. При этом гипотетическая угроза оппонирования правительству непосредственно соседствовала в речах ораторов РНФ с прежни-

ми заявлениями о безусловной лояльности по отношению к Совету министров: «Разумеется, что работа эта (думская. — Д.К.) будет совместной и дружной с правительством, помимо всяких соображений о нашем сочувствии, о нашем доверии или недоверии тому или иному министру или же всему министерству в совокупности. Мы будем помогать министрам, потому что они облечены доверием нашего Государя, а они будут помогать нам оттого, что мы избраны страной по зову того же Государя»; «Мы идем не за правительством, мы идем с правительством, потому что (т.е. не безусловно, курсив мой. — Д.К.) правительство и мы идем за единственным знаменем», но если правительство отклонится от национально-русского знамени, «мы будем... против него» [266, с. 136, 157—158] (В.А.Бобринский).

К концу деятельности III Думы и в период подготовки к выборам в IV Думу внутренний конфликт между «лояльной» и «критической» составляющими позиции русских националистов по вопросу об отношениях с Советом министров стал более заметным, переходя из скрытой в открытую, внешне более «острую» форму, что, как представляется, объяснялось двумя основными причинами.

С одной стороны, к этому времени думские лидеры ВНС окончательно расстались с надеждами на воскрешение той модели отношений с В.Н.Коковцовым, которая существовала при П.А.Столыпине. Так, подводя итог деятельности русских националистов в III Государственной думе, Л.В.Половцов определил их отношения с Советом министров следующим образом: «Признавая залогом будущего преуспеяния родины дружную работу Государственной думы совместно с правительством, националисты, однако, не связывали своей деятельности правительственный программой (курсив мой. — Д.К.) и при несогласованности действий представителей правительства с верованиями националистов отставали свою полную самостоятельность (курсив мой. — Д.К.)...» [266, с. 157—158].

С другой стороны, необходимость ведения предвыборной агитации и мобилизации под свои знамена

всех антиреволюционно настроенных сил требовала от пропагандистов ВНС обратить внимание избирателей на свое партийное лицо и свою партийную значительность, в том числе и в отношениях с Советом министров. «Не сильные и могучие русские организации должны идти на буксире правительства», а само его «взять на буксир, вести и всемерно поддерживать» [221, с. 45—46, 68]. Как нетрудно понять, слова о «всемерной поддержке» в данном контексте означали указание на возможность конструктивной (то есть частичной) оппозиционности.

Таким образом, в этот отрезок времени (осень 1911 — осень 1912 гг.) русские националисты вполне сознательно исходили из своего права контролировать императорское правительство с точки зрения правильности проводимой им политики (т.е. с точки зрения политической целесообразности) и открыто не соглашаться с ним по тем или иным принципиальным вопросам. Фактически это означало пересмотр идеологами ВНС исходной концепции обязательного «младшего партнерства» в отношениях с Советом министров и переход к концепции «равного партнерства».

Активный контроль за деятельностью правительства, с точки зрения целесообразности проводимой им политики, должен был, как полагали идеальные вожди ВНС, касаться в первую очередь вопросов, связанных с защитой русских национальных приоритетов: «В своей думской деятельности, — отмечал в этой связи предвыборный наказ Московского отдела ВНС, — фракция националистов должна руководствоваться исключительно исконными русскими интересами и настаивать на том, чтобы правительство неуклонно блюло эти интересы во всех проявлениях государственной и общественной жизни» [280, с. 3]; по мнению П.И.Ковалевского, министры должны были отвечать на запросы народных представителей не только по вопросам нарушения закона, но и направления национальной политики [236, с. 268, 343; 235, с. 51—58].

Тем не менее в данный период слово «оппозиционность» по-прежнему продолжало отсутствовать в

идеологическом арсенале русских националистов. Вопрос о принципиальной возможности тактического альянса с либеральной думской оппозицией не рассматривался русскими националистами, думается, по двум основным причинам.

Во-первых, «оппозиционность» как таковая в умеренно-правых и центристских кругах традиционно (еще со времен I и II Государственных дум) воспринималась как эквивалент «революционности», в лучшем случае — «радикализма».

Во-вторых, отыскать на почве «русских национальных приоритетов» общий язык с настроенными лояльно по отношению к инородцам думскими радикалами и социалистами в большинстве случаев было невозможно.

С началом работы IV Государственной думы критика деятельности российского правительства в целом (с точки зрения политической целесообразности) и отдельных ведомств в частности (с точки зрения законности и целесообразности), а равным образом тезис об условности поддержки, оказываемой Совету министров, — все чаще стали звучать в выступлениях думских ораторов от ФНУП. Данное обстоятельство, в освою очередь, означало дальнейшее развитие представлений ВНС о возможности и необходимости «равного партнерства» в отношениях с Советом министров: «Мы не та партия, которая ныне угодничает перед правительством» [200, стб. 1086] (В.А.Бобринский); «Мы противники парламентаризма, мы... считаем, что Императорское русское правительство должно быть независимо от Государственной думы», но «я столь же решительно выскажусь и против тенденции другого рода», «чтобы Государственная дума всецело подчинялась правительству. С этим, без сомнения, согласиться никто не может, это совершенно недопустимо. Если правительство должно быть независимо, то и Дума должна быть столь же независимой; обе стороны должны стремиться работать рука об руку»; «Никакая Дума никогда не встанет на путь покорного подчинения правительству во всем», и мы хо-

тели бы, «чтобы отношения между Думой и правительством устанавливались на началах взаимного с обеих сторон доброжелательства и взаимных с обеих сторон уступок» [203, стб. 1447—1448] (А.И.Савенко). Характерен также общий «горделиво-конфронтационный» по отношению к правительству настрой, с которым пришли в IV Государственную думу некоторые из лидеров ФНУП: «Впечатление от бюджетной комиссии такое, что это огромная сила, главный центр и главная пружина, которой можно влиять на бюрократию», — восторженно сообщал товарищам по ККРН только что избранный в Государственную думу А.И.Савенко, которого особенно обнадеживали и раздавали примеры «ожидания часами очереди в приемной этой комиссии директорами департаментов — имеющих у себя, в департаментах, вид олимпийцев, сюда же являющихся скромными просителями» [294, с. 129]. Примечательно также то, что стремление к критическим «наскокам» на власть объяснялось не только характерологическими особенностями некоторых лидеров ФНУП, но также их убежденностью в глобальной некомпетентности политики, проводимой российским правительством: «Куда ни посмотри, везде все валится. Мы катимся куда-то по наклонной плоскости» [445, л.1076] (А.И.Савенко).

В рассматриваемый период (конец 1912 — середина 1914 г.) наблюдалось значительное расширение тематики критических по отношению к правительству выступлений лидеров ВНС. По сути, в данный отрезок времени русские националисты признали за собой право подвергать критике работу Совета министров, с точки зрения ее законности и целесообразности, по вопросам как внутренней [198, стб. 134], так и внешней политики. При этом зачастую эта критика выступала в довольно резкой форме. Так, по мнению известного аналитика Особого отдела Департамента полиции от 29 марта 1913 г. (высказанному по горячим следам так называемых славянских манифестаций, посвященных выражению национал-либеральной русской общественностью солидарности с антитурецкой

борьбой балканских славян), внешнеполитическая риторика некоторых лидеров ВНС являла собой не что иное, как стремление «под прикрытием» славянских лозунгов «постепенно революционизировать Россию с целью низвержения Правительства и даже Государственного строя». В частности, 28 марта 1913 г. на «IV Славянском банкете» В.А.Бобринский и А.И.Савенко, по словам того же источника, «называли "позорным" нынешнее правительство, против которого нужно самым энергичным способом действовать. Они же доказывали, что Правительство наше, не имея никаких прочных устоев и не обладая никакими нравственными качествами, дошло и до того, что ведет Россию к явной гибели». Впрочем, как уточнял спустя непродолжительное время явно стремившийся как можно скорее «замять» скандальную «банкетно-славянскую» историю начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге, А.И.Савенко говорил вовсе «не о пользе революции, а начал свою речь с того, что напрасно нас пугают революцией» [430, л. 10—28об].

Существенное увеличение списка тем, по которым лидеры ВНС подвергали критике деятельность Совета министров, сопровождалось также расширением номенклатуры претензий, предъявляемых правительству, а равным образом повышением степени их радикальности, что существенным образом приближало русских националистов, особенно лидеров левого их крыла, в идейном плане к радикальным либералам.

Как и в эпоху III Государственной думы, в начальный период работы IV Государственной думы русские националисты в своих выступлениях обращали внимание на недостаточную «национальность» правительской политики и недостаточную ее преемственность по отношению к тому курсу, который проводился П.А.Столыпиным (оба эти упрека тесно переплетались между собой). «Некоторые члены Государственной думы, — обращался, в частности, к членам Государственной думы А.И.Савенко 12 декабря 1912 г., — ...высказывали чувства восхищения своего

по поводу того, что в декларации Председателя Совета Министров не было ни одним словом упомянуто о национальной русской политике. Да, это так... настало время нам громко говорить о пропавшем лозунге — лозунге русской национальной политики, лозунге, забытом и отвергнутом с момента смерти незабвенного П.А.Столыпина» [198, стб. 409]. (Следует пояснить, что, называя лозунг национальной политики «пропавшим лозунгом», А.И.Савенко, судя по всему, хотел подчеркнуть, что русские националисты не намерены так же легко отрекаться от своих партийных приоритетов, как это сделали октябрьсты, не сумевшие настоять на последовательном проведении правительством в жизнь начал «Манифеста 17 октября» и получившие за это прозвище «партии пропавшей грамоты».) Спустя три дня А.И.Савенко вновь заявил о том, что «политика нынешнего правительства не национальна», и в качестве доказательства указал на факт волокиты «в области так называемого финляндского вопроса», а также в деле о выделении Холмщины в отдельную губернию [198, стб. 853—858].

Необходимо, однако, отметить, что в рассматриваемый период (конец 1912 — середина 1914 г.) русские националисты стали широко инкриминировать российским министрам целый набор недостатков, связанных с непоследовательностью проведения политики умеренно-либеральных преобразований, причем именно эта последняя часть критики все более стала выходить на передний план думской риторики ФНУП.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что критика деятельности правительства с «русских национальных» позиций зачастую использовалась русскими националистами как форма выражения общелиберальных претензий к текущей внутренней политике. Только приняв во внимание данное обстоятельство, можно, в частности, понять, каким образом обильно уснащенная русско-националистической и даже прямо антисемитской риторикой речь А.И.Савенко могла вызывать сочувственную реакцию левой части думских депутатов, как это имело место, в частности, 20 марта 1913 г. в

выступлении представителя ФНУП по поводу действий полиции, разгонявшей 17—18 марта 1913 г. «славянских» манифестантов. «На лучшие наши порывы, на наши самые святые чувства оно (правительство. — Д.К.) ответило нагайками»; «Не знаю, быть может, по толкованию нынешнего объединенного правительства, в этом выражается наш русский обновленный строй (смех слева) (курсив мой. — Д.К.), этого я не знаю»; «Полиция в точности уловила новый курс нашего объединенного правительства»; «Этот новый курс был взвешен довольно давно... в тот самый день, когда умирал в Киеве П.А.Столыпин. В тот самый день... статс-секретарь Коковцов в Киеве выступил с решительным и резким заявлением, что он ни в коем случае не позволит никаких насилий над евреями, хотя евреям в то время никто решительно не грозил», тогда «полиция избила в кровь патриотическую манифестацию и порвала царский портрет, который несла эта манифестация. Так начался новый курс статс-секретаря Коковцова, а в минувшее воскресенье он получил лишь дальнейшее свое логическое продолжение. Это курс — презрение к обществу, презрение к общественности, презрение к русскому народу, ко всему, чем живет этот русский народ»; «Гг., пропасть, которая разделяет общество русское и правительство, эта пропасть, разумеется, создалась не сегодня и не вчера, но столь глубокой, как теперь, она, вероятно, еще никогда не была. Мы знаем, что эта пропасть стала очень глубокой... после маньчжурского погрома, когда... русское общество в подавляющем большинстве поняло, что так жить нельзя»; «Мы должны голосами всех лояльных элементов Государственной думы решительно сказать правительству, что нет той силы, которая могла бы подавить живой дух русского народа, и что не им, людям совершенно равнодушным, остановить и подавить народно-общественное движение» [198, стб. 2401—2424]. Другим ярким примером облачения в антисемитско-националистическую форму либерально критических по сути замечаний в адрес правительства явилась речь того же думского оратора

от 29 апреля 1914 г.: «Мы не можем стать на точку зрения кн. Мещерского, который говорит, что власть должна снискать любовь евреев и других воинствующих инородцев.., очевидно, какой ценой — ценою больших уступок.., направленных против русского народа»; В.П.Мещерский считает, что «власть должна презирать общество», — со своей стороны, «я должен сказать правду советникам, вроде кн. Мещерского, и тем представителям правящих кругов, которые внемлют этим советам (намек на шефа МВД Н.А.Маклакова. — Д.К.), ... что они стоят на ложном и опасном пути», что «они своими советами и своими действиями сеют ветры, а бурю пожинать придется нашей многострадальной родине» [203, стб. 1149, 1453—1456].

С целью критики правительства за недостаточную либеральность русские националисты использовали также тезис о его недостаточной приверженности «столыпинским заветам». Так, Д.Н.Чихачев, выступая 21 апреля 1914 г. от имени ФНУП, указывал на то, что, в отличие от антилиберально настроенного нынешнего руководства МВД, П.А.Столыпин «неоднократно говорил, что он признавал бы возможным отказаться от права надзора администрации за целесообразностью постановлений земских собраний. Русская национальная фракция смотрит на этот вопрос так же, как смотрел покойный Министр внутренних дел» [203, стб. 679]. Со своей стороны, А.И.Савенко в выступлении от 29 апреля 1914 г. призывал уже не только руководителя МВД, но весь Совет министров следовать проводившейся П.А.Столыпиным политике благожелательности по отношению к обществу: «Мы, как партия строго мирная и лояльная... высоко ценим престиж власти»; «Но власть будет сильна только тогда, когда общество с нею, а не против нее»; «Пример Петра Аркадьевича Столыпина в этом отношении чрезвычайно красноречив»: «разумная» государственная власть всегда стремится к тому, «чтобы общество, чтобы умеренные круги общества были на стороне власти» [203, стб. 1453].

Общелиберальная критика деятельности российского правительства присутствовала на протяжении всего рассматриваемого отрезка времени не только в «национально-столыпинском», но также в «чистом либеральном» виде.

Тезис о «нестерпимости» царящих в России «излишних стеснений» общественной свободы выдвигался лидерами ВНС еще в период подготовки к выборам в IV Государственную думу: «Современное желание сузить свободу печати и усмотрения администрации в этой области *не в наших* (курсив мой. — Д.К.) интересах» [261, с. 9] (В.Ф.Лашков).

С началом работы IV Государственной думы стремление правительства к административной опеке над обществом (начиная от нарушения прав и свобод частных лиц и кончая посягательством на политические прерогативы Государственной думы) стало подвергаться со стороны русских националистов перманентной критике: «Угождать правительство, разумеется, никому не должно, но, гг., одно дело угодить и другое дело относиться к Государственной думе с пре-небрежением. Между тем, в словах председателя совета министров в этом смысле звучало пренебрежение» [198, стб. 857] (А.И.Савенко); «Хотя министр финансов в последнее время относится отрицательно к выкупу железных дорог, но национальная фракция считает, что такое поспешное представление на Высочайшее благовоззрение вопроса о выкупе частных железных дорог, в то время, когда вопрос этот находится на рассмотрении законодательных учреждений, не соответствует высказанному здесь... взгляду г. Председателя Совета Министров (т.е., того же В.Н.Коковцова. — Д.К.) о необходимости совместной работы правительства и Думы» [199, стб. 1096—1201] (В.Я.Демченко).

Помимо В.Н.Коковцова, другим министром, вызывавшим острое недовольство русских националистов в связи с его «антидумской» и «антиобщественной» деятельностью, являлся глава МВД Н.А.Маклаков: «Да, подавлять беспорядки (как сказал МВД. — Д.К.)... надо»; «Все различие в методах борь-

бы с революцией. Надо с революцией бороться так», чтобы «не быть по мирному обществу», «ибо от этого революционное движение не уменьшается, а увеличивается» [203, стб. 1451] (А.И.Савенко); «Фракция националистов и умеренно-правых не может спокойно отнестись и к последним нашим событиям. Мы слышали от Председателя Совета Министров о доброжелательных чувствах его к Думе»; «Мы в то же время видим со стороны других членов правительства (намек на Н.А.Маклакова. — Д.К.), под влиянием отдельных раздражений, создание условий, тормозящих спокойную работу Государственной думы, мы видим с стороны правительства не только посягательство на самодеятельность Государственной думы, но даже на свободу нашего слова, ту свободу, без которой... мы совершенно не нужны. (*Голоса слева: браво!*)» [203, стб. 1021] (В.Я.Демченко).

Стремление ораторов от ФНУП, выступающих с критикой деятельности правительства, по возможности солидаризироваться с представителями радикально-либеральной оппозиции проявлялось не только в тех случаях, когда речь шла об антилиберальной и антидумской политике МВД [203, стб. 1021, 1444—1456], но и тогда, когда разговор касался политики Совета министров в целом: «Мы согласны, — заявил, в частности, А.И.Савенко, выступая 12 декабря 1912 г. с думской кафедры, — с основным критическим замечанием, которое сделал представитель партии народной свободы г. Маклаков (Василий Алексеевич. — Д.К.): он указал, что ни в декларации правительства, ни в действиях правительства нет определенности, нет никакого движения ни вперед, ни назад, есть топтанье на месте» [198, стб. 407] (А.И.Савенко).

Помимо комплексной критики деятельности Совета министров по существу, риторику русских националистов характеризовало также стремление указать на его главный формальный изъян: отсутствие внутреннего единства: «Давно уже общезвестно, — говорил, А.И.Савенко 12 декабря 1912 г., выступая от имени ФНУП по поводу только что прозвучавшей

декларации председателя Совета министров В.Н.Коковцова, — что из всех политических курсов самым плохим, более того, самым опасным является отсутствие всякого политического курса. Именно это мы и имеем»; «У нас политика совершается по правилу: "день да ночь — сутки прочь"... (голос слева: это правильно)» [198, стб. 407—408]. Спустя три дня, тот же думский оратор подверг правительенную декларацию резкой критике за стремление изобразить «маятник, качающийся то направо, то налево» и «угодить, и правым, и левым, и середине. Из этого желания угодить всем получилось то, что в жизни всегда в таких случаях бывает: получилась общая неудовлетворенность» [198, стб. 858]; «Я должен обратить ваше внимание, — обращался, в свою очередь, в те же дни к членам Государственной думы В.В.Шульгин, — на то странное как будто бы обстоятельство, что с совершенно разных скамей мы совершенно одинаково нападаем на правительство. Казалось бы... правительство, если бы оно угодило одним, не угодило другим и наоборот. Но объяснение этому очень простое... Правительство у нас сейчас не одно. У нас два или три правительства. И во всяком случае правительство наше многогранное. И вот каждый из нас выбирает ту грань, которая ему не нравится, и на нее нападает» [198, стб. 552].

Впрочем, из дальнейших рассуждений выяснилось, что отсутствие у Совета министров политического единодушия волновало русских националистов не само по себе, но постольку, поскольку оно препятствовало осуществлению того курса, который они связывали с именем П.А.Столыпина и который понимался как дальнейшее развитие прогрессивных (умеренно-либеральных) преобразований, осуществляемых под «русско-национальным» знаменем. В этой связи особо жесткой критике подвергалась политически аморфная позиция премьер-министра В.Н.Коковцова: «Я совершенно точно скажу, кто моя мишень, — говорил, выступая с думской кафедры 12 декабря 1912 г., В.В.Шульгин, — ...я буду брюзжать не по адресу пра-

вительства вообще, а по адресу главы правительства»; «Русская земля не желает поддерживать председателя Совета министров», поскольку проводимый им курс ведет к тому, что становится «плохо с русским народом. Мы не только безнадежно отстали от наших западных соседей», мы также «отстаем от поляков, евреев, финнов, немцев и чехов... Низший класс по-прежнему тонет в невежестве, нищете и в последнее время в хулиганстве, высший класс каждый год плодит нам огромное количество неврастеников, которые бросаются со всех мостов в воду. При этих условиях нужны героические усилия, чтобы вывести русское племя на путь. И вот этих героических усилий... у нас нет»; «Вот... что мы ставим в вину главе правительства: «нет широты плана, нет размаха, нет смелости, — а по условиям времени это нужно» [198, стб. 552—553]; «Всеми разумными элементами в стране, — конкретизировал А.И.Савенко мысль В.В.Шульгина, выступая в Государственной думе 15 декабря 1912 г., — давно сознана необходимость расширения компетенции земского самоуправления, изменения избирательного закона, уничтожение, во всяком случае значительное уменьшение несносной административной опеки и т.д.; всеми давно сознана необходимость создания широкого подвижного деревенского кредита. И тем не менее, правительство ничего в этом отношении не делает, оно топчется на месте и этим увеличивает недовольство, увеличивает оппозиционное настроение в стране... и дает ему возможность захватывать все новые и новые круги населения» [198, стб. 854].

Сказанное выше позволяет предположить, что на протяжении первых полутора лет деятельности IV Государственной думы у русских националистов окончательно оформилось представление о себе как о политической силе, призванной подвергать деятельность Совета министров полновесной критике по существу, а равным образом стремиться к установлению правительством «равноправных» партнерских отношений через Государственную думу. Некоторые высказывания ораторов от ФНУП позволяют сделать предполо-

жение, что уже в этот период представление идеологов ВНС о правительстве и Государственной думе как о «равных партнерах» стало эволюционировать в сторону признания за ФНУП в частности и Государственной думой в целом определенного «политического старшинства» по отношению к Совету министров: «Конечно, мне могут возразить, что критиковать (правительство. — Д.К.) легко, а вот пожалуйте на это место и тогда сделайте что-нибудь», но «мы на это место и не мостимся. Наше дело... критика, это наша специальность»; «Конечно, мы должны давать (правительству. — Д.К.) указания (курсив мой. — Д.К.), ... лозунги, и нельзя сказать, чтобы мы так ничего и не давали» [198, стб. 552—553] (В.В.Шульгин).

Следует отметить также, что зачастую смыкаясь по вопросу об отношении к российскому правительству с думскими оппозиционерами (кадетами и прогрессистами), русские националисты все же стремились формально дистанцироваться от них, неизменно акцентируя внимание на возможной опасности выхода российского общества, в целом, и Государственной думы, в частности, из-под правительственный опеки. «Мы являемся противниками парламентаризма, хотя мы стоим за то, что страна уже созрела к известной степени общественной самодеятельности, но мы полагаем, что... русский народ еще нуждается в управлении более, быть может, чем в самоуправлении» [203, стб. 1447] (А.И.Савенко). Продолжая таким образом настаивать на собственной безусловной политической лояльности, лидеры ФНУП призывали правительство к проведению либерально-реформистского курса не ради того, чтобы сделать шаг навстречу думским радикалам, но во имя прямо противоположной цели: во имя профилактики возможного успеха в будущем оппозиционеров и революционеров: если «правительство не удовлетворяет давно назревших и всеми сознанными нужд страны, то этим оно играет в руку революции и в руку оппозиции (курсив мой. — Д.К.), ибо оно увеличивает и углубляет общее недовольство» [198, стб. 853—854] (А.И.Савенко).

Как представляется, стремление русских националистов к одновременному фактическому идейному сближению с либеральными радикалами по вопросу о принципах отношения к российскому правительству при сохранении видимого идеологического дистанцирования от них объяснялось в первую очередь соображениями не столько доктринального, сколько чисто тактического свойства. Таким образом лидеры ВНС стремились, с одной стороны, — сохранить в глазах и правительства, и собственных избирателей образ «серьезной, государственной» партии, готовой к сотрудничеству с Советом министров в случае выработки им определенной политической программы. «Я говорил: в действиях правительства нет определенности, нет никакого движения», но «я не смотрю на дело так пессимистически, как г. Маклаков (Василий Алексеевич. — Д.К.)» [198, стб. 853] (А.И.Савенко), а с другой стороны, — дать понять российским министрам, что их пренебрежительная по отношению к Государственной думе политика чревата неизбежным усилением оппозиционных настроений даже в среде консервативного думского большинства.

Общий критический настрой русских националистов по отношению к деятельности Совета министров осложнялся двумя обстоятельствами, носившими конъюнктурно-тактический характер.

Во-первых, наличием непродолжительных оценочных колебаний, связанных с переменами в персональном составе Совета министров, в частности, связанных с уходом в отставку В.Н.Коковцова и назначением на должность премьер-министра И.Л.Горемыкина, а на должность министра финансов — П.Л.Барка, с личностями которых русские националисты поначалу связывали надежды на проведение внутренней политики, согласованной с правоцентристским думским большинством [203, с. 1006—1008, 1010, 1444—1456].

Во-вторых, наличием устойчивых политических симпатий к деятельности некоторых министров, прежде всего руководителя МПС С.В.Рухлова, фактически являвшегося «партийным» представителем ВНС в

Совете министров, а также Главноуправляющего земледелием и землеустройством А.В.Кривошеина, являвшегося в глазах русских националистов наиболее последовательным среди других министров продолжателем столыпинского курса [200, стб. 1228; 201, стб. 519—520; 203, стб. 1006—1008].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее.

Первое, эволюция взглядов ВНС по вопросу об основах взаимоотношений с Советом министров характеризовалась преодолением изначальной установки на «младшее партнерство» в отношениях с ним и заменой ее установкой на «политическое равноправие».

Второе, изначальная установка ВНС на преимущественную поддержку действий Совета министров при допущении критических замечаний в его адрес по отдельным вопросам сменилась установкой на перманентную критику деятельности правительства в целом (при сохранении поддержки конкретных министров по конкретным вопросам).

Третье, произошло фактическое преодоление русскими националистами изначальной установки на недопустимость какого бы то ни было единства критических мнений по поводу правительственной политики с представителями радикально-либеральных фракций Государственной думы; данная установка сменилась признанием возможности фактического единения с радикально-либеральными оппозиционерами по ряду принципиальных вопросов (прежде всего касающихся оценки правительственной политики в целом) при выраженному своеобразии критических подходов к деятельности правительства (указания на «недостаточную национальность современной правительственной политики, а также ее «недостаточную преемственность» по отношению к политике П.А.Столыпина»).

Таким образом, следует заключить, что в рассматриваемый отрезок времени исходные идеальные установки ВНС, касающиеся определения основ его отношений с правительством, не будучи формально пересмотренными в своей основной части, в то же вре-

мя подверглись существенной коррекции. Данное обстоятельство, как представляется, в свою очередь, не могло не предопределить нарастания эволюционно-кризисных явлений как в идейной, так и в организационно-тактической жизни ВНС.

Разразившийся в России весной—летом 1915 г. общеполитический кризис, апофеозом которого стало образование в недрах IV Государственной думы Прогрессивного блока, — привел к формальному распаду единой ФНУП, что, в свою очередь, означало фактический раскол ВНС. Левая часть думских националистов 13 августа 1915 г. заявила о своем выходе из ФНУП (оставшуюся часть которой продолжал возглавлять П.Н.Балашев) и образовала «прогрессивно-национальную группу» в составе 22 человек, численность которой в последующем выросла до 36 членов [61]. Таким образом, дальнейшая эволюция идейных взглядов ВНС стала происходить по двум вполне самостоятельным руслам: консервативно-национальному и прогрессивно-национальному.

В целом прогрессивные националисты, по сравнению с «балашевцами», в своих высказываниях, касающихся деятельности российского правительства, были значительно многословнее. Данное обстоятельство, как представляется, объяснялось в первую очередь различиями в тактических линиях обеих групп: определенно оппозиционной у левых националистов и неопределенной колеблющейся между крайне правыми и Прогрессивным блоком у националистов-балашевцев [61].

Точка зрения ФПН по вопросу о принципах отношений с правительством в целом повторяла основные положения выступления В.А.Бобринского от 19 июля 1915 г. от имени ФНУП, в тот момент еще сохранившей формальное единство («доверие» в обмен на осуществление правительством единодушной, умеренно-либеральной и нацеленной на победу политической программы, согласованной с Государственной думой) [205, стб. 69—72]: «Мы с самого начала войны, — говорил В.А.Бобринский, выступая с думской кафед-

ры 19 ноября 1916 г., — все время стремились к совместной работе с правительством», «которое внушает к себе уважение и доверие. И до сих пор этого правительства Дума не находила»; «Мы стремимся к твердому объединенному правительству народного доверия.., под правительством мы понимаем группу людей, объединенных одною мыслью и одним образом действий, а когда мы видим, что правительство объединено только раздорами между собой.., то совместно работать с ним будет тщетно» [208, стб. 289—294] (В.А.Бобринский); об этом же на одном из совещаний Бюро Прогрессивного блока говорил В.В.Шульгин, перечисляя конкретные пункты пожеланий ФПН относительно наиболее неотложных правительственныеых мероприятий [178, с. 133—134] (В.В.Шульгин).

Утверждая право Государственной думы на оппозиционность, А.И.Савенко даже выдвинул необычный для традиционной идеологии ВНС тезис о сравнительно большей эффективности думского контроля за деятельностью Совета министров, осуществляемого представителями оппозиционных партий: «Для роли... контроля и критики представители оппозиции иногда бывают более необходимы, чем представители партий, в прошлом много погрешивших склонностью поддерживать правительство» [446, л. 398]. В то же время, несмотря на то, что образовавшие Прогрессивный блок думские фракции сразу же заявили о своей оппозиционности по отношению к существующему составу Совета министров и потребовали его коренной реорганизации, в начальный период существования Блока позиция прогрессивных националистов (как и других фракций — участников Прогрессивного блока) по вопросу о принципах взаимоотношений думского большинства и правительства оставалась неоднозначной. Прогрессивные националисты полагали, что Государственная дума должна стремиться не только к сконцентрированной отставке действующего Совета министров и замене его «кабинетом доверия»: «Мы исходим из того, что правительство никуда не годится». Но также к тому, чтобы путем перманентной оппозиционной атаки

«удержать правительство от рискованных шагов»: «Мы принимаем независимо от отношения правительства, но как добрый совет, а не ультиматум. Если правительство не внимает, мы пойдем своей дорогой»; «Мы никаких ультиматумов, никаких требований власти не предъявляем и не намерены предъявлять, ибо во время войны мы с властью, какой бы то ни было, вести борьбу не намерены и не будем» [178, с. 143—144; 179, с. 160] (В.В.Шульгин), [205, стб. 1178] (А.И.Савенко). Даже несмотря на то, что к середине осени 1915 г. прогрессивные националисты устами В.А.Бобринского сделали вывод о том, что правительство стало еще хуже, чем было летом [179, с. 156], они продолжали настаивать на необходимости конкретно деловой, а не принципиально-общеполитической критики деятельности Совета министров: «При открытии Думы страна будет говорить: *вот Хвостов делает, а вы?* Если делает хорошо, надо сказать: хорошо. Мало сказать, что дурно. Надо сказать, что делать... *По отношению к правительству:* деловая оппозиция...» [179, с. 154] (В.В.Шульгин).

Следует, однако, отметить, что в то же самое время позиция представителей ФПН (формально находившейся на «крайне правом» фланге Прогрессивного блока) по некоторым аспектам вопроса о «правительстве доверия» зачастую оказывалась более радикальной, нежели у представителей более левых фракций. Так, например, по данным агентуры Департамента полиции, 29 февраля 1916 г. в ходе обсуждения формулы перехода по смете МВД В.В.Шульгин и А.И.Савенко, наряду с прогрессистами, высказались за то, чтобы на этом посту был «министр общественного доверия», — в то время как кадеты и октябрьсты предпочли настоять «на более глухой форме» [440, л. 142].

Особенно частыми, подробными и резкими высказывания прогрессивных националистов по вопросу о принципах отношения к Совету министров стали в период внутриполитического кризиса, начавшегося осенью 1916 г. и продолжавшегося вплоть до Февраль-

ской революции. По сути позиция прогрессивных националистов по данному вопросу накануне созыва новогодней 1916 г. сессии Государственной думы вплотную приблизилась к позиции лидера кадетов П.Н.Милюкова, поставившего целью добиться свержения кабинета Б.В.Штюрмера любой ценой и инициировавшего с этой целью парламентский «штурм власти». «Надо взяться за правительство.., — отмечал, в частности, на заседании Бюро Прогрессивного блока В.А.Бобринский 3 октября 1916 г. — Надо, чтобы страна поняла, что ничего общего между нами нет. Я, как П.Н.(Милюков. — Д.К.), не верю в законодательные реформы. Правительство стало невозможено: бездарность, распущенность, разгильдяйство» [180, с. 82—83]. Выступая 14 октября 1916 г. на страницах «Вечерней газеты», В.В.Шульгин заявил о своей решимости «валить» правительство всеми возможными парламентскими средствами, вплоть до законодательной обструкции: «Во имя... великой цели войны пустим в ход все имеющиеся в нашем распоряжении парламентские средства, чтобы добиться полного обновления власти, без чего немыслимо достижение победы, невозможны насущные реформы» [317 — 1916, 1 нояб.] (В.В.Шульгин); «Пора наконец отказаться от тактики "непротивления злу". Одним из самых действительных средств... считаю широкое использование права думы отвергать проекты, введенные в порядке 87-й статьи» [317 — 1916, 1 нояб.] (А.И.Савенко); «Надо обвинять все правительство», — резюмировал суть отношения ФПН к проблеме взаимоотношений Государственной думы и Совета министров В.В.Шульгин на заседании Бюро Прогрессивного блока 20 октября 1916 г. [180, с. 89—90].

Примечательной особенностью взглядов прогрессивных националистов на проблему «правительства доверия» являлось то, что они, так же как и радикальные либералы, возлагали (правда, не публично, а лишь на частных совещаниях) главную политическую вину на Николая II, ответственного за сложившуюся порочную систему формирования и функционирова-

ния Совета министров, казавшуюся оппозиционно настроенному думскому большинству абсолютно недопустимой. По свидетельству кадета В.В.Лашкевича (которому в данном случае нет видимых оснований не доверять), относящемуся к 18 февраля 1917 г., «Шульгин, правый, называл... Царя как противника всего того, что как воздух необходимо стране» [472, л. 81].

Отличия позиции прогрессивных националистов от позиции радикальных либералов в данный отрезок времени носили, как представляется, непринципиальный характер и заключались, *во-первых*, в признании необходимости упоминания, наряду с критическими замечаниями, направленными против правительства, собственных конструктивных предложений, *во-вторых*, в специальном нотировании недопустимости голословной, неаргументированной критики всех министров разом, без учета их конкретно индивидуальных достижений, и, *в-третьих*, в указании на недопустимость произнесения под видом критики прямых или косвенных революционных призывов. Наиболее полно данные особенности позиции ФПН были представлены в выступлениях В.В.Шульгина на заседаниях Бюро Прогрессивного блока, происходивших 3 октября 1916 г.; 13 октября 1916 г., 20 октября 1916 г., 24 октября 1916 г., 31 октября 1916 г., а также в думском выступлении от 3 ноября 1916 г. [180, с. 82—83, 86, 89—90, 104, 114; 208, стб. 68—71].

Выступая в Государственной думе 3 ноября 1916 г., В.В.Шульгин специально остановился на проблеме обоснования причин наметившегося ужесточения позиции ФПН по вопросу о принципах отношения Государственной думы к правительству, фактически дав понять, что считает председателя Б.В.Штюрмера «немецким шпионом»: «В нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластья, эта мысль занимает почетное место... И если мы сейчас выступаем совершенно прямо и открыто с резким осуждением этой власти, если мы подымаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что действи-

тельно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которых дальше переносить невозможно. Произошло то, что страна, которая в продолжение более двух лет безбоязненно и доблестно борется с самым страшным врагом..., эта страна смертельно испугалась собственного правительства. (*Голоса слева: право; рукоплескания в левой части правой, в центре и слева*). Гг., произошло то, что люди, которые беспрепятственно смотрели в глаза Гинденбургу, затрепетали перед Штюремером»; «Когда те же сомнения, которые волнуют всю страну, и у нас есть, — тогда у нас есть только одно средство: бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет» [208, стб. 68—71].

После того, как 10 ноября 1917 г. Б.В.Штюремер был отправлен в отставку и его место занял А.Ф.Трепов, в риторику ФПН возвратились присутствовавшие в ней в первоначальный период существования Прогрессивного блока упоминания о необходимости «параллельного» сосуществования Прогрессивного блока и Совета министров. Лидеры ФПН стали убеждать коллег по Блоку в необходимости неконфликтного сосуществования с А.Ф.Треповым («*Назначен не предатель, не распутинец, не взяточник, человек, к делу способный*» [180, с. 123—124]), несмотря на то, что последний, по признанию самих же прогрессивных националистов, явно не мог рассматриваться в качестве кандидата на председателя «правительства доверия» [180, с. 119] (В.В.Шульгин); (И.Ф.Половцов) [180, с. 131]. На заседании Бюро Прогрессивного блока от 16 ноября 1916 г. В.В.Шульгин предпринял попытку «классифицировать» кабинет А.Ф.Трепова, обозначив тех из его членов, немедленной отставки которых следует продолжать добиваться, и тех, с которыми Прогрессивный блок мог бы наладить «параллельное» деловое сотрудничество, сделав таким образом первый шаг на пути создания «правительства доверия»: «Повторяя, что поддерживаем требование в полном объеме,.. мы практически должны разрешать задачу по частям» [180, с. 123—124].

Однако возвращение лидеров ФПН к разговорам о необходимости «параллелизма» во взаимоотношениях с Советом министров, произошедшее в связи с назначением на пост Председателя Совета министров А.Ф.Трепова не означало отказа ее лидеров от признания за Государственной думой права на безусловно радикальную оппозицию по отношению к правительству. Более того, говоря о необходимости частичного сотрудничества с А.Ф.Треповым, — и в этом заключалось коренное отличие «параллелизма» ноября—декабря 1916 г. от «параллелизма» июля—августа 1915 г., — прогрессивные националисты рассматривали председателя Совета министров уже не как реального, но лишь как формального главу кабинета, конструктивное сотрудничество с которым было возможно лишь в случае удаления из состава правительства управляющего МВД А.Д.Протопопова, в свою очередь, являвшегося, по убеждению думской оппозиции, полновластным главой всех «темных» (т.е. прораспутински и пронемецки настроенных) сил. «Нам, пережившим вторую Государственную думу, нам бросают упрек в том, что мы колеблем устои власти, нас обвиняют в том, что мы идем против своего государства, с нами хочет бороться (обращаясь к местам правительства) Министр Внутренних Дел Александр Дмитриевич Протопопов. (*Голоса: он здесь, вот он сидит*). Мы принимаем этот вызов и мы с ним будем бороться открыто, смело, беспощадно», и «я от себя и от имени своей фракции заявляю, что пока на этих скамьях Александр Дмитриевич Протопопов, совместная работа Думы с правительством совершенно немыслима (курсив мой. — Д.К.)» (В.А.Бобринский) [180, с. 131; 208, стб. 295—297; 460, л.511].

Характерным подтверждением того обстоятельства, что и в период нахождения у власти А.Ф.Трепова прогрессивные националисты продолжали считать допустимой безусловную оппозиционность в своих отношениях с Советом министров, являются их высказывания, в которых содержалось повторение выдвину-

того накануне ноябрьской 1916 г. сессии Государственной думы призыва подвергнуть деятельность российского правительства парламентской обструкции. «Практика наша (издание законов правительством в порядке 87-й статьи ОГЗ. — Д.К.) дает нам следующее: исключение наше правительство превратило в правило, а из правила сделало исключение... с этим надо бороться, и надо бороться не только словами, но надо бороться и действиями»; «Мы должны отклонять без перехода к постатейному чтению все те законы, изданные в порядке ст. 87, которые не связаны непосредственно с интересами государственной обороны и которые в действительности не заключают в себе ничего неотложного» [208, стб. 961—962, 965—966] (А.И.Савенко).

Перманентная эволюция взглядов прогрессивных националистов на суть их взаимоотношений с Советом министров в направлении признания возможности безусловной оппозиционности сопровождалась также формированием у лидеров ФПН представления о себе как о силе, по отношению к которой министры должны находиться в фактически подчиненном положении: «Мы на воскресенье решили вызвать Риттиха» [180, с. 131] (В.А.Бобринский); «Дума должна вызвать Риттиха и спросить: как вы дошли до того, что фураж на 3 дня?» [180, с. 131] (И.Ф.Половцов).

Следует, однако, отметить также и то, что, пересматривая свои взгляды на проблему взаимоотношений Государственной думы и Совета министров в направлении все большей радикализации позиции по вопросу о допустимых пределах думской оппозиционности, а равным образом о степени подотчетности правительства законодательному представительству, прогрессивные националисты в то же время стремились «вписать» свою новую позицию в традиционную для ВНС «систему фраз». Такого рода попытка интерпретировать либеральную оппозиционность в категориях «монархической лояльности», в частности, была предпринята В.А.Бобринским в той же думской речи от 19 ноября 1916 г., в которой он выступил с под-

робной критикой деятельности А.Д.Протопопова: «Александр Дмитриевич Протопопов сколько раз публично говорил и подчеркивал свой монархизм, и позвольте мне тоже претендовать на скромное, но почетное имя монархиста. И, гг., я понимаю монархизм иначе, чем Александр Дмитриевич. Он говорит и часто подчеркивает, что он слепой исполнитель воли Государя. Монархист-министр так говорить не может.., ибо, что это значит? — что все злоупотребления власти, все ошибки, все промахи, все неудачи, это есть чьи же ошибки, чьи промахи, чьи неудачи? Вы понимаете меня, гг.? Гг., министр-монархист должен сказать: я за все отвечаю. Царь всегда прав, а если кто виноват, то я виноват. А когда исполнитель говорит, что я слепой исполнитель воли Государя? Государю нужны верные люди, а не нужны ему холопы, это нужно помнить монархистам» [208, стб. 295—297]. В свою очередь, А.И.Савенко предпринял попытку объявить создание оппозиционного Прогрессивного блока чуть ли не выполнением «наказа», некогда данного Государственной думе самим Советом министров. «Правительство всегда говорило нам: "Образуйте большинство, выработайте программу этого большинства, и тогда мы будем знать, с кем разговаривать и о чем разговаривать"...: «И что же? Когда большинство, ценою взаимных уступок фракций и партий, образовалось, оно было встречено неприязненно и даже враждебно, а советы, благожелательные советы большинства были объявлены революционными требованиями» [206, стб. 2419—2420] (А.И.Савенко).

Анализируя содержательную часть критики деятельности Совета министров, исходившей из уст прогрессивных националистов, следует отметить, что она по сути вплотную приближалась к радикально-либеральной. Так, прогрессивные националисты выделяли в деятельности российских министров следующий перечень недостатков.

Во-первых, враждебную по отношению к Государственной думе политику: «Вместо того, чтобы сосредоточить все усилия власти, объединив их с усилиями

всего общества, и направить эти объединенные усилия на борьбу с внешним врагом, это правительство изобрело несуществующего внутреннего врага и с головой ушло в борьбу с этим врагом»; «Объявлен был поход против общественной России, и в своем этом походе правительство дошло до того, что покусилось на права народного представительства» [206, стб. 2418; 208, стб. 963—965] (А.И.Савенко); «Мы считаем все то, что произошло по отношению к Членам Государственной думы социал-демократам, крупной государственной ошибкой», потому что «никакими соображениями нельзя оправдать привлечение и осуждение людей только за принадлежность к той фракции, которая невозбранно занимает здесь места» [205, стб. 744—745; 208, стб. 1495—1499; 472, л. 92] (В.В.Шульгин).

В-вторых, покушение на общественную свободу слова: «Власть за год практики военно-цензурных учреждений показала, что она совершенно не понимает той простой истины, что когда она душит печать, то этим она угашает дух страны»; «Власть, скажу, неразумная власть, в течение целого года не давала печати возможности сделать войну народной, забывая, что великая война может быть успешной только тогда, когда она будет народная» [205, стб. 1015—1926; 206, стб. 1677, 2426] (А.И.Савенко).

В-третьих, антиобщественный («провокационный») в целом характер действий: «Министр Внутренних Дел недавно одному из наших товарищ по Думе заявил, что краеугольный камень его программы — это борьба со всеми общественными организациями (голос слева: он с ума сошел)...» [208, стб. 289—294] (В.А.Бобринский); «Мы не должны и не можем упустить из вида и того соображения, что если деятельность общественных организаций в последнее время, быть может, получает иногда нежелательное направление», «то в этом прежде всего и больше всего виновато само правительство»; «Правительство очень боится революции, но оно забывает, что основной и главнейшей в настоящее время в стране революционизи-

рующей силой является само правительство» [208, стб. 1230] (А.И.Савенко).

В-четвертых, авторитарно-бюрократическую оторванность от общества и чуждость его потребностям: «Я думаю, что правительство плохо понимает свои обязанности в настоящую тяжелую минуту.., если оно прикрывается только своим формальным правом, и пока, как будто бы... безучастно относится к таким событиям, как то событие, которое имело место в Костроме (вооруженное подавление мирного рабочего выступления. — Д.К.)» [205, стб. 547—548] (В.А.Бобринский). «Теперь только у меня и работы, что переписываюсь с беженцами, которые все обращаются с просьбами о помощи. До того уже дошло, что и Губернаторы не отвечают, когда к ним направишь бедствующих. Прежде на всякий запрос сейчас же получишь ответ, теперь же на наш несчастный народ уже не обращают внимания» [457, л. 297] (Т.Я.Тарасевич); «Я думаю, что если бы над городами и земствами было поменьше опеки административной, а у нас в ближнем тылу — опеки военных властей, то несомненно, мы бы работали больше и принесли гораздо большую пользу» [206, стб. 1541] (В.Я.Демченко); «Режим бюрократического самовластвия привел нашу родину на край пропасти, и я всеми силами возненавидел этот режим» [460, л. 561] (А.И.Савенко); «Несчастье заключается в том, что наше правительство партийно и притом узко партийно, что форумом для нашего правительства является не вся Россия во всем разнообразии ее интересов, стремлений и течений, а кучка крайних правых Государственного Совета и Думы»; «Подумало ли правительство о положении, о душевном переживании тех русских людей, тех сотен тысяч и миллионов русских людей, которые лучшее будущее страны неразрывно связывают с торжеством начал права и свободы?..» [206, стб. 2420—2428] (А.И.Савенко); «Власть пренебрегла духом народа» [180, с. 99] (В.В.Шульгин).

В-пятых, отсутствие популярности и авторитета («доверия») в глазах населения, особенно недопустимое в условиях войны, когда необходима максималь-

ная консолидация общества вокруг власти: «Страна не может идти за правительством, не пользуясь его доверием, не только потому что она ему не верит, но, между прочим, и потому что это слабое, оторванное от страны и потому бессильное правительство даже не пыталось в течение этой войны вести страну за собой»; «Правительству никто не верит, даже правые правительству не верят, даже само правительство себе не верит и не уверено в своем завтрашнем дне» [206, стб. 2420—2428] (А.И.Савенко); «Народ не понимает, откуда выходят беды, и ищет разгадки в злой воле» [180, с. 100] (В.В.Шульгин).

В-шестых, некомпетентность и коррумпированность: «Правительство не понимает, что мы стоим у края пропасти» [458, л. 339] (А.И.Савенко); «В Министерстве Внутренних Дел творится что-то невероятное. Хвостовым все видные чиновники Министерства сменяются и заменяются новыми, но не лучшими. Назначаются часто люди совсем незнакомые с делом и не могущие что-либо делать. И назначения эти проводятся почти исключительно по просьбе лиц, так или иначе близких ко Двору или придворным сферам» [452, л. 2052] (З.М.Благонравов); «Мне кажется, у нас министры совершенно не умеют распоряжаться своим временем» [206, стб. 1296—1300] (В.В.Шульгин); «У нас часто стоят во главе крупнейшего государственного дела люди, совсем не подготовленные к нему» [207, стб. 4570—4571] (П.Н.Ягодынский); «Непонимание властью задач — отношение к союзникам»; «Непонимание власти, что война требует переустройства тыла» [180, с. 99—100] (В.В.Шульгин).

В-седьмых, бездеятельность, отсутствие общего плана работ: «Увы, правительство отстает от Думы как в понимании всей серьезности положения, так и в энергии своей деятельности. Мой товарищ по фракции, граф Бобринский, сказал: "пора правительству подтянуться". Я бы сказал (в закрытом заседании Думы я это и сказал): "пора правительству проснуться"»...» [451, л. 631] (А.И.Савенко); «Что разруха желез-

ных дорог — из бездействия Совета министров, это ясно». «Говорят, что беженцы такое стихийное зло, вернее, несчастье, которое обрушилось на нас совершенно неожиданно. Но ведь оно неожиданно было именно потому, что государственная власть совершенно не думала о том, что отступление может повлиять и на нее» [179, с. 170—172; 206, стб. 1296—1300] (В.В.Шульгин). «Правительство ничего не делает, ничего не способно делать и другим не дает возможности что-либо сделать. Положение безвыходное» [459, л. 469] (А.И.Савенко); «В то время, когда немцы в занятых у нас областях построили целые тысячи верст железных дорог и подъездных путей, в это же время мы латали отдельные дыры, а в общем решительно ничего не сделали». «Одним словом, за эти полтора года, несмотря на то, что мы получили хороший урок нашей полной бездеятельности, ... мы совершенно не сдвинулись с места, и в таком положении, в каком мы были, в таком и остаемся и в настоящее время» [206, стб. 1807—1808] (В.Я.Демченко); министерство земледелия «не предусмотрело возможности чрезмерного израсходования крупного рогатого скота и такого мясного кризиса, в который мы попадаем в настоящее время» [207, стб. 4570—4571; 208, стб. 571—578] (П.Н.Ягодынский); «В действиях Министра Земледелия я... не вижу проектировки будущего» [208, стб. 1495—1499] (В.В.Шульгин).

В-восьмых, отсутствие единства воли: «В правительственные сферах какая-то растерянность; нет человека с сильной волей, который властно встал бы в власти и властно направил бы неисчерпаемые русские силы и богатства к достижению единой, в настоящее время, цели — победе над Немцами» [450, л. 1301] (З.М.Благонравов); «В правящих кругах — развал» [453, л. 2178] (А.И.Савенко).

В-девятых, нежелание проводить реформы: «Спор между правительством и Государственной думой по вопросу о том, допустимы ли реформы во время войны, ведется в течение уже скоро двух лет»; «Для побе-

ды нужны, между прочим, и реформы (голоса слева: верно), более того, мы все время были убеждены, что если бы этих реформ без конца не откладывали и необходимейшие реформы осуществили еще до войны, то и победа, без сомнения, наступила бы гораздо скорее»; «Но вот 3 июня (1916 г. — Д.К.) представитель правительства здесь заявил опять то, что в переводе на общепонятный язык будет значить: «во время войны реформы недопустимы; сначала победа, а потом реформы», т.е. опять было повторено то утверждение, на позиции которого целый год стоял Статс-Секретарь Горемыкин» [207, стб. 4946—4948] (А.И.Савенко).

В-десятых, злой умысел министров «распутинцев» (прежде всего Б.В.Штюремера и А.Д.Протопопова): «Нет муки, нет сахара, масла, рыбы, мяса, а в Петрограде, Москве, Киеве и других городах все это, уже запасенное заранее, гноится и выбрасывается на свалку. И что же, правительство позаботилось об населении? Ничуть! Министр Земледелия припрятал на заводе 257 тысяч пудов сахарного песка; г. Протопопова Гос. Дума потянула на заседание бюджетной комиссии, чтобы объясниться по продовольственному вопросу, но Штюремер благоизволил отказать, не желая давать объяснений. Все это наводит на очень грустные думы» [462, л. 741] (В.И.Немерцалов). «Немецкие газеты писали при назначении Штюремера, что "это белый лист бумаги". Но теперь это уже не белый лист... Теперь на нем написано несколько слов, но знаменательных. На нем написано: "продовольственная разруха", на нем написано "Англия", на нем написано Польша, на нем написано "безнаказанность Сухомлина", а внизу, в виде примечания, написано — "Манасевич-Мануйлов"... Мы боимся, что это только главное к той катанинской грамоте, в которой будет изложена программа позора и гибели России» [208, стб. 68—71] (В.В.Шульгин); «На днях мы услышим, что Штюремер уволен. Для такого человека, конечно, не дороги интересы России; деньги для него, бесспорно, дороже, которыми он так щедро награждает своих сторонников во вражеском стане. Слово "изме-

на" по адресу руководителя нашей внешней политики не раз уже срывалось с уст думских ораторов» [464, л. 922] (З.М.Благонравов). «Вспомните лето 1915 г.»: «немцы наступали, ожидалось занятие Риги, эвакуация Риги была поручена вновь всплывшему генералу Курлову»; «Вы помните... то беспокойство, которое вызвало в нас то, что корсетные фабрики в Риге эвакуировались, а заводы, работающие на оборону, не эвакуировались»; «Тогда, сменивши предателя Сухомлина, Министр Военный Поливанов немедленно добился удаления генерала Курлова»; «И теперь, когда вновь надвинулась ужасная гроза..., мы вновь встречаемся с именем генерала Курлова, уже в качестве руководителя всей русской полиции. Следовательно, фабрики, заводы все в его руках, как он поведет провокаторов к заводам, что он будет делать в полиции, все от него зависит» [208, стб. 289—294] (В.А.Бобринский).

Помимо общих с левыми товарищами по Прогрессивному блоку черт, позиция прогрессивных националистов по вопросу об отношении к Совету министров характеризовалась также двумя специфическими особенностями.

Во-первых, наличием непродолжительных колебаний в сторону общей лояльности по отношению к царю и правительству. «Государь был в Думе. Я все время переживаю особенно радостное и светлое чувство не за себя, а за Россию. В этом посещении Государем народных представителей я вижу реальное осуществление этого единения Царя с народом, в котором залог спасения России. Роспуск Думы 3 сентября, отказ в приеме депутатии от общеземского и общегородского союзов, двукратная отсрочка созыва Гос. Думы, — все это удручающее действовало на русское общество. И вдруг повеяло чем-то новым!» [458, л. 365] (И.М.Короваев). Рассуждая на страницах «Вечерней газеты» в статье «Знаменательное признание» относительно слов только что назначенного на пост управляющего МВД А.Д.Протопопова, в которой говорилось о необходимости доверия общества к власти, А.И.Савенко высказал убеждение в том, что эти слова

следствие происхождения А.Д.Протопопова «из недр общества». А.И.Савенко увидел также в этом министерском заявлении «грань», «новую веху» в отношениях между правительством и обществом, хотя и проигнорированную печатью, впрочем, автор тут же спешил оговориться, что доверие к А.Д.Протопопову — это кредит, а «кредит никогда не может быть безграничным, и если должник не платит по векселям, его непременно лишают кредита» [317 — 1916, 14 окт.]. «4 ноября (1916 г. — Д.К.) мы получили, как луч ясного солнца... телеграмму Государя Императора (об отставке Штюмера. — Д.К.), а затем явились к нам (в Думу. — Д.К.) представители дорогой, милой нам армии и флота (Военный и Морской министры. — Д.К.) и сказали нам слова любви, надежды и утешения, — надежды, что не все еще на Руси испорчено, сгнило, не все, нет, что еще есть хорошее, доброе, что мы победим, гг.» [208, стб. 296] (В.А.Бобринский).

Во-вторых, стремление к разделению всех министров на негативное большинство и позитивное меньшинство: «Новый Министр Земледелия (А.Н.Наумов. — Д.К.)... человек вполне общественный и честный, "самаринской складки". И, как и Самарин, по всей вероятности, долго у власти не будет: хорошие люди в Совете Министров не ко двору» [455, л. 11] (З.М.Благонравов). «Каждый человек, которому приходится работать на местах, вероятно, знает, что Министерство Земледелия и его органы доступны для всякого, кто интересуется сельским хозяйством, что каждый может к ним обратиться, может ожидать разумной поддержки и сочувствия своим начинаниям». «В этом ведомстве, если не совсем стерлись, то сладились те несимпатичные черты, которые общи нашим бюрократическим учреждениям, страх перед гласностью и советом, мертвая рутина, недоверие ко всякому общественному начинанию»; «Министерство государственных имуществ, насколько мне известно, никогда не преследовало охранительных тенденций» [207, стб. 3908—3910, 3943] (Н.Н.Чихачев); «Нельзя не отметить того согласия, которое было всегда между

ведомством (земледелия. — Д.К.) и Государственною Думою. Русский крестьянин не может не сказать "спасибо" тем чинам переселенческого управления, которые, не щадя своих сил, помогали бедным переселенцам устроить новую жизнь в новых местах» [207, стб. 4027] (П.М.Шмяков); «Есть один просвет: Трепов и Риттих. Это здравомыслящие и деловые люди, которые в продовольственном вопросе взяли верный тон» [468, л. 513] (А.И.Савенко) et caetera.

В отличие от прогрессивных националистов, представители ФНУП («националисты-балашевцы») на протяжении второй половины 1915 — начала 1917 гг. так и не подвергли формальному пересмотру традиционный партийный постулат о безусловной лояльности по отношению к назначаемым императором министрам: «Мы, русские националисты, — подчеркивал в частности, выступая в Государственной думе 10 февраля 1916 г., Л.В.Половцов, — никогда не покушались на прерогативы власти, тем более мы не хотим покинуть власть во мраке страшной бури» [206, стб. 1292—1293].

В то же время необходимо констатировать, что при формально отрицательном отношении к возможности своего перехода в стан оппозиции, фактически правые националисты такую возможность допускали, что проявилось в самом начале IV сессии IV Государственной думы, когда представитель в тот момент еще единой ФНУП В.А.Бобринский сформулировал принципы ее отношения к Совету министров следующим образом: «*Если не на словах только, а на деле* (курсив мой. — Д.К.) мы, при наших совещаниях, при нашем общении с правительством убедимся... что обновленное правительство действительно есть правительство обновленное, правительство достойное России, оно найдет полную с нашей стороны поддержку и полное радостное сотрудничество». Таким образом, устами В.А.Бобринского 19 июля 1915 г. русские националисты (в том числе правая их часть) заявляли о том, что готовы поддерживать Совет министров не безусловно, а лишь при условии соответствия его целому перечню

требований, среди которых упоминались: недопущение впредь «недостатков и преступлений», характеризовавших деятельность ушедших в отставку членов Кабинета; проведение политики, направленной на сотрудничество с «обществом»; повышение эффективности работы — прежде всего направленной на нужды обороны — всех министерств и ведомств; проведение «единодушной» (то есть исключающей принципиальные разногласия внутри Кабинета) политики [205, стб. 69—72]. По сути русские националисты (в том числе правые) заявили о своей готовности поддерживать российское правительство лишь в том случае, если оно станет «правительством доверия». Данное обстоятельство нашло подтверждение в подписании представителями ФНУП, совместно с представителями фракций «центра» и «земцев-октябристов», формулы перехода,гласившей о том, что «привести к скорой победе может лишь тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием» [205, стб. 69—72].

В дальнейшем, после формального размежевания ФНУП и ФПН в заявлениях «балашевцев» неоднократно встречались пассажи и оговорки, свидетельствовавшие о слегка завуалированном фактическом признании принципиальной допустимости оппозиционной критики деятельности Совета министров: «Мы жаждем сильной власти, но власть сильна не мелким искательством, а непреклонным исполнением закона», «нет закона, нет и власти»; «Вы (т.е. министры. — Д.К.) не сознаете, что *преступной* (курсив мой. — Д.К.) безнаказанностью своих агентов вы переносите весь *справедливый гнев народа* (курсив мой. — Д.К.) на себя, а когда вы потеряете народное доверие, поблекнет и ваша власть» [206, стб. 1292—1293] (Л.В.Половцов).

Внутренняя противоречивость взглядов правых националистов на возможность оппозиции по отношению к правительству наглядно проявилась во внутрифракционных колебаниях по вопросу о поддержке шефа МВД А.Д.Протопопова. С одной стороны, националисты-балашевцы вполне искренне сочувствовали

А.Д.Протопопову в его противостоянии оппозиционному думскому большинству: «Если бы я был на месте Протопопова, то я надавал бы Графу [В.А.] Бобринскому пощечин в зале заседаний, а между тем Протопопов говорил совершенно спокойным голосом и сохранял вид в совершенстве» [467, л. 1207] (П.А.Барач); «Протопопова травят отчаянно, и блок такую взял силу, что невозможно его преодолеть. Я хотел выступить, но сократили прения и мне не дали возможности его защитить» [467, л. 1273] (А.А.Мотовилов). С другой стороны, единства мнений по вопросу о допустимости открытой поддержки А.Д.Протопопова среди членов ФНУП не было: «Вопрос о поддержке фракцией (ФНУП. — Д.К.) А.Д.Протопопова еще не решен ни в ту, ни в другую сторону» [444, л. 42] (Сообщение агента Департамента полиции о заседании фракции на квартире П.Н.Балашева от 13 января 1917 г.); «Речи Пуришкевича и Бобринского окончательно зарезали Протопопова. Последний доказывал, что пока Протопопов Министром, Дума не может работать совместно с правительством. Хорошо, что я в фракционном собрании добился того, что решено не выступать в защиту Протопопова, на чем усиленно настаивали некоторые, его близкие знакомые. При господствующем в Думе настроении ведь это было невозможно» [466, л. 1186] (К.Н.Рудич). В этой связи характерна двойственность оценки действий А.Д.Протопопова, сформулированной в те же дни лидером ФНУП П.Н.Балашевым, заявившим, «что Стокгольмское свидание (А.Д.Протопопова с немецким банкиром Варбургом. — Д.К.) является в настоящее время вполне разъясненным и ни в какой мере не может лечь тенью на патриотическую репутацию А.Д.Протопопова» и в то же время осудившим А.Д.Протопопова за нежелание дать общественности разъяснение в связи с назначением П.Г.Курлова на должность товарища МВД: «Этого умолчания... не простят Протопопову очень многие в России» [441, л. 140]. В конце первой декады февраля 1917 г. произошло тактическое сближение П.Н.Балашева с

А.Д.Протопоповым, стремившимся организовать при помощи ФНУП интригу против председателя Совета министров Н.Д.Голицына [443, л.14—14об.]. Как представляется, данный факт свидетельствует не столько о верности правых националистов принципу безусловной лояльности по отношению к правительству, сколько: об их готовности использовать свой думский потенциал в целях тактического лавирования между различными членами кабинета.

Конкретные оценки деятельности правительства, содержащиеся в высказываниях «балашевцев», в целом перекликались с теми, которые были характерны для позиции «прогрессивных националистов». При этом в одних случаях правые националисты стремились облечь оппозиционную по смыслу критику в форму лояльных благопожеланий, а в других случаях подвергали деятельность правительства непосредственно критическому разбору. Суть претензий, выдвигаемых «балашевцами» к правительству, сводилась к следующему.

Во-первых, к пожеланию проведения по отношению к Государственной думе благожелательной политики: «Речь (первая в стенах Думы. — Д.К.) Б.В.Штурмера, по-видимому, доброжелательная, но нужно подождать, нужно посмотреть, что будет сделано из обещанного, и тогда только наше отношение к выступлению Правительства определится вполне. Речи остальных министров как по тону, так и по своему внутреннему содержанию, не оставляют никаких сомнений в том, что они стоят всецело на стороне народного представительства, готовы работать с ним рука об руку» [440, л.18—19] (П.Н.Балашев); «В этом (посещении Государственной думы Военным министром Д.С.Шувавым и Морским министром И.К.Григоровичем заключается. — Д.К.) несомненное желание сблизиться с Государственной Думой»; «Да и нельзя с Государственной Думой не ладить. Для этого нужно лишь доброе желание. Особенно, когда на первом плане стоят важные интересы и когда не может

быть разногласий по поводу тех или иных форм» (то есть по поводу «министерства доверия») [441, л. 26] (Д.Н.Чихачев).

Во-вторых, к требованию проявления благожелательности по отношению к учреждениям и организациям, представляющим российскую общественность: «Министерство Внутренних Дел должно... рука об руку с общественными организациями. В ближайший срок должны быть приняты меры к учреждению земств в Холмской, Белорусских и Литовских губ.»; «По нашему мнению, мы вправе требовать от Министерства (внутренних дел. — Д.К.) и его органов строгой, щепетильной закономерности и единения... с местными органами самоуправления, с городскими управлениями и земствами» [206. стб. 2448—2450] (Д.Н.Чихачев); МВД «должно напрячь всю свою энергию к скорейшей разработке всех намечаемых реформ, оно должно собрать все материалы, оно должно представить свои проекты на заключение местных органов самоуправления» [206. стб. 2440—2447] (Д.Н.Чихачев).

В-третьих, к критике авторитарно-бюрократической оторванности от общества: «Устарели законодательные нормы, которые регулируют отношения правительства, в частности, Министерства Внутренних Дел, местных его органов и населения. Если мы обратимся к своду законов к первому и к второму тому», «то мы усмотрим ссылки на весьма отдаленные годы», причем некоторые статьи «представляют прямой анахронизм, по-видимому, даже материал прямо-таки для юмористического чтения» [206, стб. 2440—2447] (Д.Н.Чихачев).

В-четвертых, к критике коррумпированности: «С времени кончины покойного Столыпина состав администрации, к глубокому нашему сожалению, ухудшился. В последние годы глубокие корни в ведомстве внутренних дел пустила протекция. Замещение каждой вакансии является благодатной почвой для всевозможных компромиссов и взаимных одолжений»; «Назначения совершенно случайны и идут со сторо-

ны»; «В последнее время появилась одна мания ведомства — мания перемещения»; «Если мы обратимся к должностям генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов, то мы усмотрим, что на 167 должностей состоялось в течение года 87 перемещений»; «Затем, почему-то некоторые должности, как, напр., должность Петроградского вице-губернатора, приобретают какой-то семейно-вотчинный характер» [206, стб. 2440—2447] (Д.Н.Чихачев); «Для того, чтобы получить хлеб, ржаной хлеб в России, кормящей пол-Европы, надо становиться в позорный хвост. Не срам ли это, гг.? Ведь земство и город закупили этот хлеб еще в сентябре, и до сих пор хвост для черного хлеба... Все разబилось о неприступность Николаевской ж.д. Что Львов, что Перемышль в сравнении с этой гордой крепостью, Николаевской ж.д.?.. Там что ни чин — то вельможа, а за ним стоит министр, директор департамента, генерал, адмирал и т.п... Берете взятки? Да, берем, прежде брали по рублю с вагона дров, а теперь по рублю с сажени дров... Не желаете работать? Не хотим. Да ведь все мобилизовано. А нам некогда, мы дачи строим... Не верьте вообще железным дорогам, когда они говорят, что теперь у них нет вагонов..., что теперь нет паровозов... Ничему не верьте, ибо там ложь и преступление» [206, стб. 1290—1292] (Л.В.Половцов).

В-пятых, к указанию на отсутствие общего плана и согласованности действий: «Центральный орган, по нашему наблюдению, не имеет авторитета; нет руководящих указаний из центра, так как в этом центре нет определенного плана действий. Нынешний Министр Внутренних Дел, вступая в управление своим ведомством, приветствуя своих подчиненных, сказал, что укрепление расшатанного аппарата власти составляет одну из его задач. К сожалению, слова министра не оправдались, ему не удалось сделать многое для укрепления этого расшатанного аппарата, и в настоящее время вместо власти мы видим рассыпанную хранину» [206, стб. 2440—2447] (Д.Н.Чихачев). «При оценке тех причин, которые вызвали нынешние за-

труднения в сельском хозяйстве и продовольственном деле, мы опять-таки присоединяемся к большинству ораторов, говоривших здесь»; «Мы признаем, что причинами явились и отсутствие единства власти в продовольственном деле, и отсутствие общего плана организации продовольствия, и неудачное назначение неумелых уполномоченных, и неправильность их действий, и целый ряд искусственных мер, которые, как будто нарочно были направлены к тому, чтобы расстраивать наше сельское хозяйство» [207, стб. 3924—3930; 208, стб. 638] (С.М.Богданов); «К прискорбию, фракция (ФНУП. — Д.К.) принуждена подчеркнуть отсутствие со стороны правительства соответствующего серьезности этого вопроса (упорядочения состояния тыла. — Д.К.) плана действий и необходимого единения. Постоянная смена лиц, издание непродуманных, друг с другом не связанных мер и положений, отсутствие взаимного доверия и недостаточное использование органов самоуправления, недопустимое многовластие создают положение, явно опасное для дальнейшей правильной работы тыла и крайне благоприятное для уродливого проявления хищничества и мародерства» [208, стб. 33] (П.Н.Балашев); «Совещание о беженцах, состоявшее под председательством Министра Внутренних Дел, по-видимому, за эти несколько месяцев его функционирования не сумело установить определенного плана, определенной линии поведения, определенного отношения к тем или иным группам и организациям» [206, стб. 2448—2450] (Д.Н.Чихачев); «Правительство ставит всех нас в ужасное положение. Поставили премьером Голицына, а между тем известно, что он два раза отказывался, и когда был губернатором, то был уволен по неспособности. Другой министр считается нечистым на руку. Что это такое? Когда рабочие стали бунтоваться, то обращение к ним людей влиятельных не допускалось» [472, л. 87] (К.Н.Рудич); «Во время ВЫСОЧАЙШЕЙ аудиенции, дарованной на днях П.Н.Балашеву и продолжавшейся 1 час 10 минут, последний, между прочим, доложил "об отсутствии единения среди членов

Кабинета"..." [444, л. 77] (Сообщение агента Департамента полиции); «Гг. Члены Государственной думы, тут так часто повторялась одна и та же мысль, что во всех вопросах управления страной согласованность в работе отдельных ведомств является исключительно необходимой; сколь же она, спрашивается, необходима в таком капитальном, в таком остром, в таком срочном вопросе, как вопрос об обеспечении тыла?.. И вот, к сожалению, гг., Члены Государственной думы, мы этого не видим; мы не видим согласованности и до сего времени, и особенно в настоящий момент, когда улица уже выступает наружу» [208. стб. 1668] (П.П.Кузьмин).

В-шестых, к указанию на злой умысел «темных сил»: «А тот злодей, который обманул всех лживыми уверениями о кажущейся готовности нашей к страшной борьбе, который тем сорвал с чela армии ее лавровые венки и растоптал их в грязи лихомства и предательства, который грудью стал между карающим мечом закона и изменником Мясоедовым?.. Ведь тот министр головой своей ручался за Мясоедова. Мясоедов казнен, где же голова его поручителя? На плечах, украшенных вензелями» [206. стб. 1292] (Л.В.Половцов); «Кто теперь только не указывает на темные силы и на весь вред от влияния их. Теперь уже, кажется, ясно, кто эти силы, на них уже указывают пальцами, но они не прячутся, а ведут свою политику, ведут к страшному делу. Уж так не вовремя эти внутренние распри, так некстати, что Боже сохрани. Неужели и тут вражеские ковы германского покроя? Очевидно, да» [468, л. 522] (А.И.Будрин).

* * *

Сравнительный анализ позиций обеих националистских фракций, существовавших в IV Государственной думе в период с середины 1915 по начало 1917 г., позволяет сделать вывод о том, что несмотря на формальную разность их позиций по вопросу о принципах взаимоотношений с Советом министров, — фак-

тические установки по данному вопросу, а равным образом конкретная оценка деятельности правительства, представляли собой единое концептуальное целое, состоявшее из элементов лояльности (более отчетливо выраженных у «балашевцев») и оппозиционности (более резко выраженных и динамично нараставших у прогрессивных националистов).

В целом, произошедшая в рассматриваемый отрезок времени эволюция идейных установок обеих националистских групп по вопросу о принципах отношения к правительству выразилась в следующем.

Во-первых, в преодолении установки на «политическое равноправие» Государственной думы и Совета министров и замене ее установкой на фактический протекторат «общества» (представленного всей совокупностью общественных организаций во главе с Государственной думой) над «властью».

Во-вторых, в преодолении (полном у прогрессивных националистов и частичном у «балашевцев») традиционной партийной установки на недопустимость формально оппозиционных выступлений против правительства.

В-третьих, в окончательном преодолении «прогрессивными националистами» традиционной партийной установки на недопустимость какого бы то ни было единства критических мнений по поводу правительственной политики с представителями радикально-либеральных фракций Государственной думы.

2. Личность и деятельность П.А.Столыпина в структуре идеологии ВНС

Специфической особенностью идеологии ВНС, отличавшей ее от других политических партий межреволюционной России являлся «миф о партийном Отце» (П.А.Столыпине), который представляется целесообразным рассмотреть в качестве самостоятельного историографического сюжета. Причиной особого отношения ВНС к П.А.Столыпину явилась та особая роль, которую, по признанию самих русских национа-

листов, П.А.Столыпин сыграл в деле их организационного становления.

Следует отметить, что взгляд лидеров ВНС на проблему «политического первородства» П.А.Столыпина по отношению к партии русских националистов не был однозначным.

С одной стороны, признать П.А.Столыпина своим партийным demiurgeом и объявить его «апостолом русского национализма» членам ВНС оказывалось идеологически выгодно по следующим обстоятельствам.

1) Никто из формальных и неформальных лидеров ВНС по степени своей известности и политической авторитетности, — в том числе в глазах самих членов ВНС, — не мог сравниться с личностью П.А.Столыпина.

2) Ведущая роль П.А.Столыпина в деле становления организованного русского национального движения являлась своего рода образцом реализации партийного тезиса ВНС о «политическом протекторате» российского государства над российской нацией.

3) Позиция коллективного хранителя «столыпинских заветов» позволяла ВНС, с одной стороны, претендовать на особый статус в отношениях с правительством, а с другой — подвергать его резкой критике, одновременно сохраняя личину верности базовым лояльным установкам.

С другой стороны, признание организующей и направляющей роли П.А.Столыпина в деле становления партии русских националистов позволяло поставить под вопрос самостоятельность и жизнеспособность ВНС как политической организации.

Пытаясь найти выход из указанного противоречия, некоторые идеологи ВНС предлагали объяснение, согласно которому партия русских националистов, с одной стороны, и П.А.Столыпин, с другой, в равной мере могли претендовать на главную роль в деле организационного становления русского национализма. В этой связи покойный премьер объявлялся в политическом плане одновременно «порождением» и «главой» русского национального движения: «Мы, национали-

сты, протестуем против заявления, будто бы национальное движение в России создано покойным Столыпиным. Наоборот, Столыпин как национальный государственный деятель, создан национальным движением в России; «Подобно тому, как Бисмарк в первые годы своей государственной деятельности был противником немецкого национального движения, но впоследствии был увлечен волной национального движения и даже стал во главе его (курсив мой. — Д.К.), то же самое случилось и с покойным Столыпиным» [198, стб. 860—861] (А.И.Савенко); «Заметив живую струю национального возрождения в русском обществе, после того как его попытки работать с партией 17 октября оказались тщетными, Столыпин всей душой, всей силой и энергией своих недюжинных дарований слился с этим течением и смело стал направлять новый поток русской мысли на культурную борьбу»; «Он стал во главе националистов и сделался принципиальным руководителем их» [294, с. 324—327] (В.Е.Чернов).

Впрочем, в рядах русских националистов существовал несколько иной взгляд на существование причинно-следственной взаимосвязи между ВНС и П.А.Столыпиным: «Глубоко несогласен с тем, что будто Дума (т.е. в данном контексте — партия русских националистов. — Д.К.) создала национальное движение. Для меня, несомненно, что национальные черты привил Думе Столыпин» [294, с. 60—61] (И.Е.Ракович). В.А.Бернов также вполне определенно указывал на «великую национальную идею, призванную к активной деятельности (курсив мой. — Д.К.) незабвенным Министром-мучеником Петром Аркадьевичем Столыпиным» [221, с. 19].

Говоря о взаимоотношениях ВНС и П.А.Столыпина, некоторые авторы вообще стремились обойти стороной вопрос о том, кто из них по отношению к кому являлся «причиной», а кто «следствием» и ограничивались лишь констатацией «родственности» и «неразрывной связи» их обоих: «П.А. был дорог (партии русских националистов. — Д.К.) не только как

выдающийся государственный деятель, но и как близкий человек. Близок он нам был, как человек, который верил тою же верою, любил тою же любовью и надеялся тою же надеждою, которыми и мы верим, любим и надеемся, кого сердце билось в унисон с нашими сердцами. Мы радовались его радостями и рукоятели его успехам; его горе было нашим горем и каждая его неудача или причиненная ему неприятность заставляли болезненно сжиматься и тревожно биться наши сердца» [294, с. 242] (П.Н.Ардашев).

Отмеченные расхождения, однако, не имели принципиального значения, поскольку все без исключения лидеры ВНС были единодушны в признании П.А.Столыпина фактическим лидером русского национального движения. Еще при жизни П.А.Столыпина, в августе 1911 г. на совещании, организованном ККРН, последовательно были подняты тосты за здоровье П.А.Столыпина и П.Н.Балашева, что в завуалированной форме означало признание первого неформальным лидером той партии, формальным руководителем которой являлся второй (если бы в данном случае речь шла о чествовании П.А.Столыпина просто как премьер-министра, то тосту за его здоровье неизбежно должен был бы предшествовать тост за здоровье государя императора, чего, однако, в данном случае места не имело) [294, с. 43]. По словам Н.И.Герасимова, произнесенным вскоре после гибели П.А.Столыпина, в его лице сошел в могилу «первый... герой нашего национализма» [228, с. 18]. «Наш вождь лежит в могиле», — заявил, выступая перед товарищами по ККРН А.И.Савенко [294, с. 247—250].

По мере нарастания внутрипартийного кризиса в риторике представителей левого крыла русских националистов стал все более активно осуществляться упор на признании «первичности» П.А.Столыпина по отношению к ВНС: «Гг., я принадлежу к фракции, — заявлял, в свою очередь, от имени прогрессивных националистов В.А.Бобринский, — которая при жизни была глубоко предана (курсив мой. — Д.К.), а после смерти с величайшим благоговением вспоминает по-

койного Петра Аркадьевича Столыпина» [208, стб. 294]; «Столыпин был истинным руководителем партии националистов», — писал в этой связи «Ив.Трубежин» [А.И.Савенко—?]. — «Известно, что покойный премьер-министр был далек от реакционного настроения: это был либерал-постепеновец ("на легком тормозе вперед", — часто говорил он). Реакционеры ненавидели его. Он им платил тем же. И вот Столыпин, твердой рукой руководя партией националистов, «не давал ей возможности соскользнуть в овраг реакции. Но не стало Столыпина, и партия националистов осталась при... Балашеве. Отсюда начались несчастья партии» [304; 305].

Весьма характерным было постоянное обращение русских националистов (как правых, так и левых) в ходе их устных и письменных выступлений к «столыпинским афоризмам», а равным образом довольно настойчивое стремление лидеров ВНС скорректировать текущую правительственную политику посредством апелляции к «столыпинским заветам». «Покойный Петр Аркадьевич Столыпин в одной своей речи сказал: "Порядок и благоустройство в селах и волостях — вот вопиющая нужда в деревне". В условиях настоящего времени можно сказать, что порядок и благоустройство такая же вопиющая нужда и города»; «Мы вспоминаем слова покойного Столыпина: "нельзя мириться с политикой защитного цвета, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов"» [206, стб. 2440—2450] (Д.Н.Чихачев); «Гг., помните завет Столыпина — берегите конституцию нашу, берегите Государственную думу» (П.Н.Ягодынский) [207, стб. 4753]; «"Нам нужна Великая Россия — Вам нужны великие потрясения". Эти исторические слова Столыпина должны быть запечатлены в сердце каждого члена Государственной думы, всех созывов» [350, с. 35] (А.А.Озобишин); «Вспомните правительство Столыпина, — в то время, которое было еще сравнительно спокойным, оно часто... считало своей обязанностью давать нам объяснения именно в этой стадии прохождения запросов, когда ставился вопрос о

спешности» [205, стб. 547—548]; «Везде, где власть, памятуя великие заветы Столыпина, шла рука об руку с обществом, конечно, в лице его законных представителей, а не случайных суррогатов, там государство не разочаровалось в энергичном содействии народа» [206, стб. 1289] (Л.В.Половцов).

Признание П.А.Столыпина «вождем» организованного русского национализма, по мысли идеологов ВНС, вытекало не только из реальной роли, которую премьер-министр сыграл в становлении партии русских националистов, но также тех качеств, которыми обладал этот политический деятель. К числу политических достоинств П.А.Столыпина русские националисты относили следующие.

Во-первых, русский национал-консерватизм: правительство П.А.Столыпина — «русское национальное» [266, стб. 134] (В.А.Бобринский); «Новые формы политической жизни России Столыпин сумел сочетать с заветами русской истории. Своим глубоким, творческим политическим умом Столыпин верно оценил значение пробудившегося русского национального самосознания» [294, с. 5] (ККРН); «Покойный П.А.Столыпин открыто и ясно принял национальную программу и выполнял ее на деле» [226, с. 8] (Л.В.Половцов); «Общий фон всех государственных работ П.А. — национализм. Он понимал, что Россия, чтобы быть великой, должна быть национальной. П.А. стал во главе национального возрождения» [294, с. 245—246] (П.Я.Армашевский); «Это был сын земли, черпавший силу от этой земли и принесший с собой в Петербург дыхание жизни великой страны» [294, с. 247—250] (А.И.Савенко). Лидеры ВНС особо подчеркивали факт «национальности» П.А.Столыпина, когда возникала необходимость поставить это качество покойного премьер-министра в пример его преемникам [303, с. 11] (В.Строганов), [322 — 1912, 4 фев.] (ККРН), [280, с. 4] (Московский отдел ВНС), [315 — 1912, № 9, с. 2—3] (В.Белобородов), [342, с. 223—224] (Евлогий).

Во-вторых, «бережение» Государственной думы: «В лице П.А.Столыпина новая Россия имеет могучего и убежденного сторонника и главную опору молодого народного представительства» [294, с. 39] (А.И.Савенко); «Столыпин законом 3 июня спас народное представительство, изменив выборный закон» (П.Я.Армашевский) [294, с. 245—246]; «Благородный Столыпин сберег Думу от козней крайних правых и подкопов левых и своим блестящим государственным талантом доказал, что народное представительство и в России вызовет к жизни своих Питтов, Пальмерстонов, Мартиньяков, Бисмарков» [228, с. 80] (Н.И.Герасимов); «Монархист по убеждению, беспредельно любя Царя, энергично защищая прерогативы Короны там, где необходимо было, он в то же время оставался ревностным сторонником народного представительства и питал нескрываемые чувства уважения к мнению членов Верхней палаты» [294, с. 324—327] (В.Е.Чернов); «Столыпинская идея» о том, что «монарх и Государственная дума должны править Россией совместно», была безусловно верной [359, с. 97] (В.В.Шульгин).

В-третьих, умение укрощать революционную стихию: «Вступив в управление министерством внутренних дел в то время, когда анархия царила в государстве еще в полной силе», «когда мутные волны революции перекатывались с юга на север и с запада на восток, в это время Столыпин, как опытный кормчий, взял в крепкие руки руль государственного корабля и... повел это большое государственное судно, нагруженное горючим материалом, "к успокоению и умиротворению"» [294, с. 324—327] (В.Е.Чернов).

В-четвертых, приверженность курсу национал-либеральных реформ: П.А.Столыпин «всегда говорил, что, ведя борьбу с революцией, нельзя упускать из виду работы более высокого порядка — работы по устранению несовершенств общественно-политической жизни России, создающих почву для революционного движения и его успехов»; «Он был вождь новой России. И старая бюрократия не любила его. Он был для

нее чужой» [294, с. 247—250] (А.И.Савенко); «Сутью политической веры П.А.Столыпина являлись пять положений, из которых три являлись органически необходимыми началами старого порядка и два являлись сутью новых прогрессивных требований. Положениями этими являются: самодержавие, народность, православие, широкая самодеятельность общества в управлении и подчинении работы правительственные органов строгой закономерности. Слияние этих разнородных начал в единое гармоничное целое и составляет политическую программу Столыпина» [294, с. 252] (В.Г.Иозефи); «Отпор революции, покровительство эволюции — таков был его лозунг» [359, с. 60] (В.В.Шульгин).

В-пятых, непререкаемая политическая авторитетность и бесстрашность («героизм»): «В тяжелое для России время стал у власти Столыпин. Оправдалась поговорка, что война рождает героев. И Бог дал России этого героя в лице П.А.Столыпина» [294, с. 247] (А.И.Савенко); «Работал Столыпин между бомбой и браунингом; на него было 10 покушений. Если это принять во внимание, то перед нами является личность героя. Чтобы работать в таком положении, для этого надо быть героем в полном смысле этого слова» [294, с. 246] (П.Я.Армашевский). «Величайший подвиг» П.А.Столыпина в том, что «он имел мужество не обращать внимание решительно ни на что», ни на какие титулы; «Его не могли запугать ни левые, ни правые. И поэтому они убили его» [359, с. 61—62; 358, с. 111—112; 322 — 1912, 4 фев.] (В.В.Шульгин); «Богом отмеченный, с печатью гения на челе, облеченный высочайшим доверием и всею полнотою власти, этот светлый, могучий человек твердой русской национальной рукой взял руль и повел государственный корабль по русскому национальному руслу и не обращал внимания ни на заявления, ни на нападки» [266, с. 162—163] (С.Н.Алексеев). «Все, во что он верил, что могло принести пользу для будущего строительства России, он защищал с рыцарской совестью и с храбростью воина; он не боялся в таких случаях ответст-

венности перед своим народом и говорил: "ответственность — величайшее счастье в моей жизни". Он был искренен и безукоризненно честен, в чем не осмеливались сомневаться даже его злейшие враги» [294, с. 324—327] (В.Е.Чернов); «О его железную, несокрушимую энергию разбивались все усилия сеятелей смуты. О готовящихся покушениях Столыпин знал и ни одной минуты он не мог чувствовать себя в безопасности. Но, обладая безграничным личным мужеством, Столыпин смело появлялся всюду, куда призывал его долг» [294, с. 6] (ККРН).

В-шестых, административно-государственное величие: «Несомненно, Столыпин был наиболее выдающимся государственным деятелем Российской империи в последний ее период» [359, с. 61—62] (В.В.Шульгин). По свидетельству В.В.Шульгина, один из патриархов ККРН, Д.И.Пихно также «очень ценил Петра Аркадьевича Столыпина» как государственного деятеля [359, с. 108]. Другой патриарх ККРН, В.Е.Чернов характеризовал П.А.Столыпина как «человека очень крупного, рожденного быть министром» [292, с. 18].

В-седьмых, популярность («характеристичность»): «Столыпин, встав во главе правительства, сумел оживить общественные силы и вызвать снова духовный подъем в народе» [294, с. 324—327] (В.Е.Чернов); «Его любили, им гордились. После смерти Скобелева у нас не было государственного человека, популярность которого можно было бы сравнить с популярностью Столыпина. Его любили и ему верили; никакие подозрения не омрачали его. Все смотрели на него как на бесконечно преданного слугу Царя и России. Таким он был и таким он умер, окруженный ореолом славы и любви» [322 — 1911, 6 сен.]; «Когда умер Столыпин, многие плакали, плакали люди интеллигентные и люди простые. Казалось бы, что для последних Столыпин? Важный барин, большое начальство, но ведь это чужой человек. Да, но по чужим не плачут. Значит, и для простых людей П.А. был не чужой. Значит, было что-то, что соединяло с ним не-

зримыми, таинственными нитями души русских людей, всех русских людей, независимо от их общественного положения, от степени их образования и т.п.»; «О министрах до сих пор не было принято плакать, а о Столыпине плакали» [294, с. 242] (П.Н.Ардашев).

В восьмых, миротворчество: «Столыпин пользовался громадным авторитетом и среди европейских народов. Печать великих держав отметила его значение в политической жизни различных наций. Французы называют его истинным и деятельным приверженцем франко-русской солидарности, а немцы, даже не особенно расположенные к нам, считают его виновником упрочения русского-германских отношений. Английские газеты называют Столыпина другом Англии и творцом тесного соглашения, которое успокоило народы и обеспечило европейский мир» [294, с. 236] (В.Е.Чернов).

Фактически можно говорить о том, что к концу существования III Государственной думы в идеиной системе ВНС сложился достаточно развитый культ личности П.А.Столыпина, отчетливые очертания которого прорисовались весной 1911 г., в связи с событиями Второго министерского кризиса, когда Председатель Совета министров и ВНС вместе оказались в политической изоляции: «П.А.Столыпин — убежденный и решительный сторонник обновленного государственного строя России. Он — самый яркий его представитель и самый сильный его защитник. Он — вождь молодой России»; «В области национальной он не знал уступок. Он чувствовал, что есть вопросы, в которых нельзя уступать, что есть пределы, дальше которых нельзя идти. П.А.Столыпин доказал русским людям, что он государственный человек с русской душой и русским сердцем, бывающимся за русское дело»; «Да здравствует П.А.Столыпин!» [293, с. 71—73] (Из речи А.И.Савенко на заседании ККРН); «Петр Аркадьевич Столыпин — надежда всей новой, возрождающейся России»; «Эпоха великого обновления России... навсегда в памяти благодарных современников

и будущих историков будет тесно связана с именем Петра Аркадьевича Столыпина. Не беречь такого государственного деятеля значило бы не беречь Россию» [293, с. 71—73] (Из письма руководителей ККРН А.И.Савенко и В.Е.Чернова, дворцовому коменданту В.А.Дедюлину являвшегося фактически неофициальным посланием царю).

Окончательно культ Столыпина сложился у русских националистов после его трагической гибели в Киеве в сентябре 1911 года, воспринятой лидерами ВНС как общенациональная катастрофа: «Потрясенная Родина ... облеклась в траур, удрученная потерей своего великого патриота — националиста, ministra — народника, Нашего незабвенного Петра Аркадьевича Столыпина» [221, с. 3] (В.А.Бернов); [323 — 1911, 13 окт.] (А.И.Савенко).

Гибель «Великого Столыпина» [308, с. 23] способствовала тому, что его начавший складываться в партийной риторике ВНС культовый образ органично дополнился сакральными чертами «невинной и благородной жертвы», своей гибелью призванной «искупить» общенациональные грехи [294, с. 324—327] (В.Е.Чернов): «П.А.Столыпин умер, как смертный человек, но лишь для того, чтобы стать для нас живым и бессмертным символом нашего единения» [294, с. 242—244] (П.Н.Ардашев); «Мы лишились его, да, но на крови его теперь возросло величие дерева и уже оно начало приносить плоды чудные на пользу нашей православной нации... на горячей крови нашего национального мученика мы уже видим спаявшимися согласие двух крупнейших в отечестве нашем политических партий — националистов и октябристов» [221, с. 4] (В.А.Бернов).

М.Я.Балаянский воспел павшего П.А.Столыпина в стихах:

«Его запугать не могли —
То витязь был русского склада —
Для гордости русской отрады,
Надежда всей русской земли» [220].

Однако по степени агиографической вычурности всех партийных коллег-публицистов превзошел В.А.Бернов, предпославший одной из своих брошюр следующее посвящение: «Многострадальной русской женщине и матери, стоящей на вершине восхищенного почитания всех Ее единомышленников, русские сердца коих исполнены любовью к Царю и Отечеству. Русской именитой, доблестной боярыне, Жене и Матери, бедное сердце которой изорвано подрывающимися под Святой Престол Самодержавного Отца всего Русского Народа, врагами Родины, убившими Ее мужа, искалечившими Ее детей! Современной русской Матери Гракхов "Корнелии" Высокопочитаемой ОЛЬГЕ БОРИСOVНЕ СТОЛЫПИНОЙ безыскусственное русское слово свое скромнейше посвящает Лектор. Воронеж, март 1912 г.». Данный текст был отпечатан разными цветами и шрифтами, воспроизводя тем самым стилистику обращения к высочайшим особам (в частности, личные местоимения начинались с прописной буквы, а имя О.Б.Столыпиной полностью состояло из прописных букв), что, в свою очередь, являлось косвенной фрондой по отношению к императрице Александре Федоровне, известной своей нелюбовью к П.А.Столыпину и его супруге [221 — форзац]. Демонстративно вызывающий письет по отношению к вдове П.А.Столыпина был присущ позиции не только отдельных идеологов ВНС, но и партии в целом. Так, собравшись на свой первый съезд, ВНС почтил вставанием память П.А.Столыпина и отоспал приветственную телеграмму его вдове [329 — 1912, 20 фев.].

ВНС предпринимал энергичные усилия по внедрению культа П.А.Столыпина в массовое сознание. Уже 6 сентября 1911 г., на следующий день после кончины председателя Совета министров, в помещении ККРН состоялось заседание по вопросу о сооружении памятника П.А.Столыпину, «немедленно же» начался сбор средств в помещении ККРН и редакции «Киевлянина», была также организована подписка среди дворян, земцев и гласных дум, причем сам ККРН внес 500 руб. [294, с. 54]. Всероссийский на-

циональный клуб в Санкт-Петербурге в память П.А.Столыпина выпустил медаль [294, с. 58]. Силами членов Петербургского отдела ВНС было открыто «Общество национального воспитания в память П.А.Столыпина» (председатель — Е.А.Бок, товарищи председателя — В.В.Рычков и Н.П.Пештич, — последний одновременно являлся товарищем председателя Петербургского отдела ВНС). Целью общества, объявленного «apolитичным», провозглашалось содействие развитию национального самосознания среди подрастающего поколения [315 — 1912, № 7, с. 3]. 2 октября 1911 г. из Воронежского отдела ВНС поступило сообщение о намерении создать «Воронежское национальное училище Петра Аркадьевича Столыпина». Вскоре в Воронеже было организовано Попечительное общество о национальных школах, которое, по свидетельству В.А.Бернова, не могло «начать свою деятельность иначе, как посвятив свою первую национальную школу славной памяти незабвенного, убитого вождя националистов П.А.Столыпина» [221, с. 12; 294, с. 252—253]. 29 июня 1913 г. ГС ВНС отоспал циркуляр местным отделам, в котором речь шла о необходимости принять организованное участие в торжествах, связанных с открытием в сентябре месяце памятника П.А.Столыпину в Киеве: «Торжества эти являются знаменательными для национальной партии, совместно с которой работал покойный государственный деятель. Поэтому Всероссийский Национальный Союз... должен особенно выразить свое отношение к событию», по какой причине «представляется крайне желательным, чтобы... от местных отделов были посланы депутаты или уполномоченные лица» [479. л. 1—1об.]. Характерной чертой насаждаемого русскими националистами «столыпинского культа» явилась намеренная «романтическая фальсификация» некоторых фактов и деталей. Так, на постаменте открытого в г. Киеве по инициативе ВНС памятника П.А.Столыпину местом рождения покойного премьера была указана Москва, хотя общеизвестным являлся факт рождения П.А.Столыпина в г. Дрездене.

Подводя итог анализу отношения русских националистов к личности и деятельности П.А.Столыпина, следует отметить, что, будучи с самого начала в целом

положительным, на протяжении всего рассматриваемого периода оно неуклонно эволюционировало в сторону «романтизации» и мифологизации личности премьер-министра. Особенно заметным данный процесс стал в период времени, последовавший за гибелью П.А.Столыпина.

Важной особенностью разработанного идеологами ВНС партийного культа П.А.Столыпина являлось подчеркивание его ведущей роли в деле организационного становления русского национального движения. Данное обстоятельство, в свою очередь, являлось косвенным признанием отсутствия во главе ВНС по-настоящему авторитетного лидера. Отмеченная особенность идеологии ВНС, способствовавшая партийной консолидации на начальном этапе становления ВНС, в то же время препятствовала формированию у русских националистов представления о необходимости и возможности иметь полноценного организационного лидера, сопоставимого по масштабу с П.А.Столыпиным. В условиях нарастания кризисных явлений внутри ВНС данное обстоятельство, как представляется, явилось одним из факторов, способствовавших усилению партийно-дезинтеграционного процесса.

* * *

Подводя общий итог рассмотрению эволюции отношения русских националистов к институту объединенного Совета министров, следует заключить, что оно претерпело поэтапные изменения, заключавшиеся в фактическом, а в некоторых случаях и формальном пересмотре исходных партийных установок по данному вопросу.

Первый этап (ноябрь 1907 г. — сентябрь 1911 г.) характеризовался неизменностью представлений русских националистов о принципах отношений с правительством.

Второй этап (сентябрь 1911 г. — июль 1915 г.) отличался неуклонным усилением «критической» и ослаблением «лояльной» составляющей взглядов русских

националистов на принципы взаимоотношения с Советом министров.

Третий этап (июль 1915 г. — февраль 1917 г.) характеризовался коренным пересмотром частью русских националистов исходных партийных установок, сопровождавшимся полным отказом от «лояльной» их составляющей и признанием допустимости перехода на платформу думской оппозиции; данное обстоятельство, в свою очередь, явилось главной причиной раскола ФНУП и вступлением ВНС в заключительную стадию идеино-организационного кризиса.

Сказанное, как представляется, позволяет сделать вывод о том, что широко распространенная в литературе и принадлежащая В.М.Пуришкевичу оценка партии русских националистов как «группы спротививших правительству чиновников», не имевших собственной организационно-идейной линии (прежде всего по вопросу о принципах отношений с правительством), — требует серьезной коррекции. Даже в период максимально тесного альянса ВНС с Советом министров (1907—1911 гг.), не говоря уже о более поздних этапах развития отношений между ними, ВНС обладал всеми признаками идеино-организационной автономности и не находился в состоянии жесткой зависимости от позиции правительства. В данном случае представляется возможным еще раз подчеркнуть недопустимость некритического использования в историографической литературе характеристик, принадлежащих политическим оппонентам характеризуемого лица или организации. (Нелишне напомнить, что Союз 17 октября, согласно мнению того же думского оратора, представлял собой не более, чем «партию последнего правительственного сообщения», что, как известно, также не в полной мере соответствовало действительности.) Характерной формой проявления стремления ВНС к идеино-политической независимости от текущей правительственной конъюнктуры явилось создание «столыпинского культа», оформленвшегося в момент резкого политического ослабления П.А.Столыпина и принявшего законченные очертания после гибели последнего.

Заключение

Становление доктрины ВНС явилось закономерным (хотя и несколько запоздалым) этапом происходившего в Европе на протяжении второй половины XIX в. процесса распространения либерально-националистических учений.

Непосредственной политической предпосылкой возникновения русского национализма явилась Первая русская революция. События 1905—1907 гг., с одной стороны, легализовали политическую жизнь в стране, а с другой стороны, продемонстрировали возможность быстрого крушения социально-политических основ Российской империи. Оба эти фактора в совокупности предопределили возникновение нескольких партийно-политических направлений, каждое из которых предлагало свой вариант профилактики нового революционного взрыва путем преобразования России в мощную, стабильно развивающуюся державу.

Представители реакционных течений (крайне правые) звали Россию назад, в эпоху тотальной правительственный опеки над всеми сторонами общественной жизни.

Сторонники радикально-либеральных реформ (кадеты, прогрессисты) видели основное препятствие к нормализации ситуации в сохранении самодержавия и всех непосредственно связанных с ним социально-политических институтов.

Между реакционерами и радикальными реформаторами располагались умеренные «правоцентристы» (русские националисты и октябрьцы), исповедовавшие своего рода модернизированную идею «просвещенного абсолютизма» и выступавшие за постепенное социально-политическое реформаторство, осуществляемое совместными усилиями самодержавной власти и общества в лице представительных учреждений — при условии сохранения «контрольного пакета политических акций» за самодержцем.

Помимо макрополитических факторов, организационно-идейное становление ВНС предопределили также обстоятельства, носившие локальный, в частности, региональный характер. Не вызывает сомнения тот факт, что партийный взлет русского национализма в межреволюционный период оказался возможным благодаря тому, что на территории Западного края (современные Украина и Белоруссия) сложилась уникальная социально-экономическая ситуация, при которой:

во-первых, все основные социальные, политические и экономические феномены преломились сквозь призму национальных интересов;

во-вторых, непосредственное идейное и хозяйственное влияние Западной Европы оказывалось более мощным, нежели в Центральной России.

Данные условия предопределили формирование у значительной части русской элиты Западного края национал-либерального символа веры с ярко выраженной «антинородческой» составляющей.

Наряду с региональным, следует также упомянуть индивидуально-личностный фактор идейного становления ВНС. Которое вряд ли состоялось бы без участия таких «интеллектуалов-одиночек», как М.О.Меньшиков, В.А.Бобринский, П.И.Ковалевский и ряд других, лично не связанных с Западным краем и в то же время воспринявших объединение западно-русских помещиков как наиболее политически близкое и перспективное. Важную роль в деле партийного становления ВНС сыграл также лично П.А.Столыпин, что, однако, ни в коей мере не свидетельствует об «искусственности» русского национализма как организационно-идейного феномена.

Региональная «специфичность» ВНС, придав ему известную организационно-идейную прочность, одновременно явилась серьезным препятствием на пути политической экспансии русского национализма за пределами Западного края, что лишь отчасти компенсировалось за счет поддержки, оказываемой русским националистам российским правительством (особенно

активной в заключительный период премьерства П.А.Столыпина).

Недостаточная адекватность партийной доктрины ВНС центрально-русским идеино-политическим традициям и реалиям, как представляется, явилась одной из причин развития кризисных явлений внутри ВНС по мере превращения его в партию, ориентированную в первую очередь не на лоббирование региональных интересов, а на всероссийскую деятельность. Другой важной причиной организационно-идейного крушения ВНС явился общий кризис «думской монархии», на работу в условиях которой изначально ориентировали свою деятельность все организации правоцентристского толка.

Наряду с Союзом 17 октября, Всероссийский национальный союз явился крупнейшей политической организацией правоцентристского толка, располагавшейся на правом фланге данного партийно-политического сектора. Типологическая близость ВНС к партии октябрьстов отчасти затушевывается благодаря тому, что как в изучаемую эпоху, так и в дальнейшем в литературе за ВНС закрепился эпитет «умеренно-правой» организации. Несмотря на то, что данное определение в целом верно отражает суть политической «дислокации» ВНС (между располагающимися на крайне правом думском фланге черносотенцами — и находящимися в центре Государственной думы октябрьстами), — оно провоцирует чисто лингвистическую «аберрацию», в результате которой ВНС кажется стоящим в едином типологическом ряду с Союзом русского народа и прочими реакционными политическими группировками. В действительности, как было показано в настоящей работе, по своей организационно-идейной природе ВНС был гораздо более близок национал-либеральному Союзу 17 октября, нежели партиям традиционистской ориентации.

Избрав в качестве своего партийного знамени «русский национализм», вожди ВНС предприняли попытку создания нетрадиционного для России варианта политической доктрины, которая, в целом находясь в

русле либерально-западнических идей, в то же время была бы свободна от таких типичных особенностей российского «западничества», как оппозиционность по отношению к самодержавию и Русской православной церкви, лояльность по отношению к инородцам *et cetera*. Важным отличием русско-националистского «западничества» от его «kadetskoy» (радикально-либеральной) разновидности явилось также признание русскими националистами принципа безусловной неприкословенности частной собственности.

Как представляется, точнее всего было бы характеризовать идеологию ВНС как вариант консервативно-либерального национализма. Несмотря на то, что отдельные ее элементы носили формально реакционный характер (идея частичного пересмотра избирательного закона 3 июня 1907 г. в ограничительном духе), — в целом идеяная система ВНС была ориентирована на то, чтобы сохранить и упрочить сложившиеся на протяжении 1905—1907 гг. основы «думской монархии», включая их самодержавно-бюрократическую, думско-либеральную и русско-националистическую составляющие.

В связи с этим ВНС следует рассматривать как партию, во-первых, типологически родственную иным консервативно-либеральным организациям, существовавшим в рассматриваемую эпоху (прежде всего Союзу 17 октября), а во-вторых, типологически отличную, с одной стороны, от реакционеров (крайне правых) и, с другой стороны, от радикальных либералов (кадетов и прогрессистов).

Одной из характерных особенностей идеологии русского национализма явилась его глубокая внутренняя противоречивость, проявлявшаяся при характеристике наиболее важных для ВНС в идеологическом отношении проблем. Таких, как:

содержание понятий «нация», «национализм», «русский народ» и «русская государственность»;

отношение к институтам политической, гражданской и религиозной свобод; отношение к русскому национальному характеру;

оценка соотношения «западнических» и «почвеннических» традиций в национальной русской истории; отношение к европейскому социально-политическому опыту;

позиция по вопросу о свободе предпринимательства; отношение к населяющим Россию инородцам, а также к путям и перспективе решения «инородческого вопроса» и многое другое.

В основе указанной противоречивости лежали две причины:

во-первых, общая для всех эклектичных доктрин (каковой являлся русский национализм, включавший в себя, националистическую, либеральную, консервативную, реформистскую и отчасти реакционную составляющие) «фоновая» внутренняя контрадиктивность;

во-вторых, стремление идеологов ВНС осмыслить российскую социально-политическую действительность в категориях, разработанных европейскими авторами, что, в свою очередь, вынуждало идеологов ВНС сочетать формально декларируемую национальную гордость с глубоко пессимистичной по духу национальной рефлексией.

Выраженная внутренняя противоречивость идеологии ВНС и, как следствие, ее недостаточная доктринальная жесткость сыграли позитивную роль на начальном этапе партийного становления ВНС, когда русские националисты стремились максимально полно «подстроиться» под проводимый правительством курс.

Однако в дальнейшем, после исчезновения политического альянса ВНС с правительством и особенно в связи с началом войны и резким углублением внутриполитического кризиса в России, данная идеологическая особенность ВНС стала оказывать на его организационно-идейные основы разрушающее воздействие.

Целый ряд важнейших составляющих партийной доктрины ВНС (организационная самооценка; отношение к российскому правительству; позиция по ряду аспектов национального вопроса) в эти годы, под воз-

действием изменившихся внешних условий, претерпел существенную эволюцию.

В то же время большая часть организационно-идейных установок ВНС (взгляды по общим вопросам, по многим аспектам национальной проблематики, по экономическому и религиозному вопросам, по вопросу о государственно-правовом устройстве России; отношение к русскому национальному характеру и русской истории) — на всем протяжении его существования (даже после раскола думской фракции в 1915 г.) не подверглась существенным изменениям, что позволяет вести речь об организационно-идейном континууме.

В рамках процесса формирования и эволюции организационно-идейных основ русского национализма целесообразно выделить два этапа: 1907—1912 и 1913—1917 гг.

Первый характеризовался активной разработкой ведущими идеологами ВНС основ партийной доктрины; конец данного отрезка времени (1911—1912) ознаменовался наибольшим взлетом организационно-идейной активности и одновременно появлением первых симптомов грядущего кризиса русской национальной доктрины и ВНС в целом.

Для второго этапа характерно общее ослабление теоретической активности ВНС, а также непрерывное развитие (особенно ускорившееся в годы Первой мировой войны) отмеченных выше кризисных явлений. Противоречивость идейной природы ВНС проявилась в том, что, начиная с 1911 г., в партии образовались два течения: левое и правое, характеризовавшиеся соответственно большей или меньшей готовностью поступиться частью консервативно-национальных установок во имя обретения большей либерально-реформистской цельности. Организационно-идейное размежевание внутри ВНС привело к фракционному расколу и партийному развалу ВНС.

История становления и эволюции идеологии русского национализма в начале XX в. интересна не только в плане дальнейшего углубления наших знаний

о Российской империи последних десяти лет ее существования. Организационно-идейный опыт ВНС позволяет, как представляется, разглядеть некоторые фундаментальные изъяны русского «либерального национализма», которые существуют независимо от краткосрочной исторической конъюнктуры и делают принципиально невозможным оформление его в продуктивную и жизнеспособную политическую доктрину. Речь идет о двух важнейших обстоятельствах:

во-первых, об объективной невозможности «вписать» западнически интерпретированную русскую националистическую доктрину в многонациональный («имперский») общероссийский контекст;

во-вторых, о невозможности органично совместить традиционные национально-русские реалии с общеевропейскими социально-политическими ценностями.

Остается, вероятно, лишь пожалеть о том, что предпринимаемые сегодня многочисленные попытки «идеологического обустройства» России в национал-либеральном духе игнорируют опыт, добросовестно проделанный теоретиками русского национализма почти сто лет назад.

Список использованной литературы и источников

Литература

1. Аврех А.Я. Ленский расстрел и кризис третьююньской системы. — М., 1962. — 47 с.
2. Аврех А.Я. Блок помещичьих и буржуазных партий в III Думе (К вопросу о крахе столыпинского бонапартизма): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. — 16 с.
3. Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьююньской системы (1908—1909 гг.) // Исторические записки. — М., 1955. — Т. 53. — С. 50—109.
4. Аврех А.Я. «Дни» и «Годы» В.В.Шульгина // История СССР. — М., 1967. — № 1. — С. 145—159.
5. Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. — М.: Наука, 1968. — 520 с.
6. Аврех А.Я. Раскол фракции октябристов в IV Думе // История СССР. — М., 1978 г. — № 4. — С. 115—127.
7. Аврех А.Я. Царизм и IV Дума: 1912—1914 гг. — М.: Наука, 1981. — 293 с.
8. Аврех А.Я. Распад третьююньской системы. — М.: Наука, 1985. — 260 с.
9. Аврех А.Я. Документы департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. — М., 1987. — № 6. — С. 32—49.
10. Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. — М.: Политиздат, 1991. — 285 с.
11. Актуальные проблемы современной буржуазной политической науки / Под ред. Н.Н.Розумович. — М.: ИНИОН, 1983. — 216 с.
12. Андреенкова А.В. Русский национализм сегодня // Власть. Общенациональный политический журнал. — М., 1995. — № 12. — С. 43—45.
13. [Б /а]. Балащев Петр Николаевич // Большая советская энциклопедия. — М.: Изд-во акционерного об-ва «Советская энциклопедия», 1926. — Т. 4. — С. 490.
14. [Б /а]. Бобринский Владимир Алексеевич // Большая советская энциклопедия. — М.: Изд-во акционерного об-ва «Советская энциклопедия», 1927. — Т. 6. — С. 553.
15. [Б /а]. Шульгин Василий Витальевич // Большая советская энциклопедия. — М.: Изд-во акционерного об-ва «Советская энциклопедия», 1933. — Т. 62. — С. 745.
16. Бабин В.Г. Проблемы национальной школы в Государственной думе I—IV созывов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / РГПУ им. А.И.Герцена. — СПб., 1992. — 18 с.
17. Барсамов В.А., Михалюк В.М. Эволюция программных установок общероссийских партий и предвыборных платформ избирательных блоков по вопросам национальной политики и межэтнических отношений (1989—1995 годы): (К выборам в Гос. Думу 1995 г.) / Институт социально-политических исследований РАН, Центр социологии межнациональных отношений. — М.: ИСПИ, 1995. — 69 с.